

НЕ ЛЮБОВЬ НЕ С НАМИ

НАТАЛИЯ РОМАНОВА

Наталия Романова

Не любовь. Не с нами

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Не любовь. Не с нами / Н. Романова — «Наталия Романова»,
2022

Когда-то она была влюблена в друга своего старшего брата, но он женился на другой, чем разбил ей сердце. Узнав о его разводе, она возвращается в город детства, чтобы показать, чего он лишился, заставить пожалеть о своем решении, кусать локти. Она еще не подозревает, чем закончится для них это лето.

© Романова Н., 2022

© Наталия Романова, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ирина	8
Глава 2. Глеб	13
Глава 3. Ирина	15
Глава 4. Ирина	18
Глава 5. Ирина	22
Глава 6. Глеб	27
Глава 7. Ирина	30
Глава 8. Ирина	34
Глава 9. Ирина	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталия Романова

Не любовь. Не с нами

Пролог

Крупная дрожь пробегала по телу, зуб не попадал на зуб, взгляд сосредоточенно смотрел вперед, где свет фар разрезал перед капотом непроглядную темень ночи. Струи дождя, как из пожарного брандспойта, с остервенением лупили по кузову внедорожника и лобовому стеклу. Спину колотил холод, растекался по всему телу, заставляя рвано дышать, а сердце – колотиться, как расшатанный двигатель.

Глеб на секунду перевёл взгляд на собственные руки, державшие руль. Костяшки пальцев побелели от напряжения. Покосился на пассажирское сидение, скрипнул раздраженно зубами. Злость мгновенно разлилась по венам, как чернила каракатицы в прозрачной морской воде.

Последний месяц жизнь Глеба превратилась в экстремальный аттракцион с отсутствующей системой безопасности. Он не просто потерял покой, сон, аппетит – это ерунда по сравнению с мегатоннами потерянных нервов, – похоже, он безвозвратно терял собственную благоустроенную, спокойную жизнь.

Какой-то жалкий летний месяц – быстротечный, который обещал промелькнуть традиционно незаметно, несмотря на свалившиеся проблемы, – и размеренное существование полетело в тартарары. Глеб, всегда казавшийся себе и окружающим невозмутимым, готов был лопнуть от бушующих эмоций. А прямо сейчас – сожрать руль собственного внедорожника.

Несчастный месяц, каких-то тридцать дней, и вот уже Глеб несётся под ливнем, под оглушающим громом, раскаты которого прошивали тело насквозь. По ночной размытой дороге, рискуя скатиться в пропасть.

Остановиться хоть на миг, отвлечься, дать волю эмоциям, значило потерять управление. Пиши пропало, хоронить будет некого: сначала машина сомнётся как фантик, ударяясь о каменные глыбы, остатки же искорёженного металла сожрёт ненасытное жерло горной реки.

Ливень усиливался, словно в небе прорвало дыру, и осадки, которых ждали с апреля, решили обрушиться именно в эту ночь, на этот, и без того опасный, перевал. Автомобиль нещадно вело, протектор месил бурлящую, несущуюся с гор грязь.

Глеб, стиснув зубы, продолжал пробираться к безопасности. Умирать в расцвете сил, на пике финансового благополучия и здоровья, он не собирался, тем более не мог позволить сгинуть на этом перевале той, что сидела рядом. Придушить её потом, когда довезёт живой и невредимой, – мечтал, а позволить бездарно погибнуть по причине собственной глупости – не мог.

Ниже, через несколько километров, перевал становился более пологим, дорога расширялась, вскоре начинались отбойники по краю дороги, асфальт, просторные смотровые площадки. Именно туда, а потом ещё дальше – в тепло и безопасность – рвался внедорожник, с чертыхающимся водителем за рулём и перепуганной пассажиркой, которая вцепилась для пущей надёжности в ремень безопасности, словно кусок ленты спасёт от падения на дно пропасти.

– А-а-а-а! – послышался женский визг вместе с ударом о левый борт автомобиля скатившего с горы камня.

Отлично, просто отлично!

– А-а-а-а! – продолжала верещать та, благодаря которой они оказались в этой ситуации.

Камни сыпались на дорогу, спереди, сзади, по борту и на крышу автомобиля. Несколько, благо небольших, отлетело в лобовое стекло. Россыпь булыжников, перемешанных с грязью,

скатилась под колёса, заставляя протектор скользить, как по льду. Камни продолжали падать, предупреждая, что через несколько секунд обвал снесёт автомобиль с дороги, как игрушечную машинку с подоконника.

Глеб в ужасе оглянулся, крупная дрожь прошла по телу, перехватил руль, краем сознания отмечая, насколько онемели руки. Не оставалось и доли секунды на принятие решения, выручала лишь мышечная память.

– Держись, – отдал он короткий приказ.

Стиснул зубы, поддал газа и рванул вперед выворачивая руль для крутого поворота почти под сто восемьдесят градусов, за которым, один бог знает, что их ждало. Остаться на месте было нельзя. Ехать осторожно, медленно, как обычно здесь передвигаются – невозможно. Впереди – неизвестность.

В итоге Глеб проскочил злосчастный поворот, увернулся от грязевой кучи, которая превращалась в скользкую жижу под колёсами, поймал боковым стеклом несколько камней и едва не оглох от женского визга.

От нечеловеческого напряжения сводило мышцы, сеткой выступили вены на кистях рук, на лбу проступила испарина. Кажется не дышал, однако вывел внедорожник на асфальтированную дорогу рядом с просторной смотровой площадкой.

Глеб медленно, всё ещё не веря себе, сдал правее, остановил машину. Фары все еще взрезали темень южной ночи, дворники без устали скатывали потёки непрекращающегося дождя, вдали слышались раскаты грома, которые отзывались в бездонных ущельях ужасающим эхом.

Он повернул голову направо, впился взглядом в ту, что умудрилась за какой-то жалкий месяц превратить его жизнь в броуновское движение, а после едва не угробила их обоих!

Красивой, какой же красивой она была! А ещё до умопомрачения желанной, до стёсанных от злости зубов идиоткой. Абсолютно невыносимой, несносной, упрямой, как сотня бестолковых ослов. И любимой, вопреки всем и вся, в первую очередь себе самому, – любимой.

Глеб отцепил руки от руля, потянул горловину футболки, пытаясь избавиться от удушья, распахнул дверь, выпрыгнул прямо под ливень, в надежде немного прийти в себя. Не придушить эту ненормальную и себя заодно, вспомнить каким женщинам не место в его жизни. Именно таким, как та, что смотрела на него из салона внедорожника, пока Глеб стоял под струями ливня, в свете фар.

Голова кружилась от адреналиновой встряски, нервному напряжению требовался выход, хотелось орать на всю непроглядную ночь, на весь мир! Перекричать ливень хотелось!

Глеб обошёл машину, рванул пассажирскую дверь на себя, уставился на явившуюся в его жизнь проблему. Проблема глубоко дышала, смотрела широко распахнутыми глазами, нервно облизывала губы. Белая блузка промокла и больше показывала, чем скрывала. Грудь во всей своей красе проступала сквозь ткань и призывно вздымалась. Лёгкая юбчонка задралась, демонстрируя стройные загорелые ноги. Колени провокационно разошлись в сторону, показывая край кружевных трусов.

Глебу хотелось наорать, обматерить с ног до головы, но он лишь потянул девушку за руку из машины, пресекая слабенькие попытки сопротивления.

– Испугалась? – спросил Глеб, тяжело дыша во всколыхнутую, промокшую макушку, пахнущую летом, ливнем, карамелью.

– Нет, – услышал он в ответ и невольно улыбнулся, одновременно злясь на это «нет».

Струи воды падали с неба, одежда промокала насквозь, Глеб прижимал к себе ту, которую хотел несколькими минутами раньше придушить. Водил ладонями по женским изгибам, скользил под промокшую, прилипшую к ногам юбку и сходил с ума.

Она была рядом, живая, тёплая, несмотря на прохладный ливень. Обнимала его в ответ, тянулась, вставала на цыпочки, терлась грудью, тяжело дышала, делила с ним на двоих одно желание. Глеб обхватил тонкую талию одной рукой, приподнял, прижал к себе, впился в губы

наглым, настойчивым поцелуем, тут же ворвался языком в сладкий рот, тот самый, что злил его, сводил с ума, заставлял кровь закипать в доли секунды, вопреки всем законам физики и физиологии.

От явственного, жадного ответа Глеб окончательно потерял самообладание, если оно и оставалось в его крови. Руки подрагивали, но не от того, что держали на весу женское тело, а от неистового, умопомрачительного желания, с которым он не мог, а сейчас уже не хотел бороться.

Поверх недоумения, злости, всего напускного, лишнего, как шелуха, всплывало единственная и истинная потребность – обладать этой ненормальной женщиной. Здесь, сейчас, безотлагательно, позабыв о собственном терпении.

Глеб углубил поцелуй, всё так же на весу прижимая к себе тоненькое тело, второй рукой подхватил под ягодицы, заставив обхватить ногами себя за талию. Он беспорядочно обрушивал жадные губы на красивое до одури лицо, шею, ключицы, скользил по плечам, превращая поцелуй в лёгкие укусы, дуря от вкуса, запаха, страстного ответа.

Всего лишь несколько шагов к левой двери автомобиля, всё с той же ношей в объятиях, быстрое движение руки: в бардачке были презервативы, абсолютно точно были. Иначе он взорвётся, как водородная бомба, оставит после себя бесконечные разрушения.

Память не подвела, защита нашлась быстро. Остальное лишь дело техники и охватившего двоих безумия. Прямо на опасном перевале, под ливневым дождём.

Она крепко цеплялась за плечи, иступленно царапалась, стонала, как обезумевшая, пока Глеб расправлялся с латексом, одновременно держа на весу женщину, которую желал до помутнения рассудка, белых мушек в глазах. Ту, из которой хотелось выбить всю дурь.

Хотел. Сейчас. Всегда. Бесконечно. Безумно. Бешено.

Кружево он стаскивать не стал, не смог пересилить себя, выпустить из рук. Не мог напиться поцелуями, вкусом, запахом, страстным, безумным ответом. Лишь отодвинул в сторону, отмечая полную готовность, жажду, такую же снедающую, невыносимую, как и у него.

Вошёл сразу, резко. Насадил на себя, с алчной жадностью вкусил громкий стон, и сразу начал двигаться, направляя обезумевшую женщину, которая захлёбывалась в адреналине, нечеловеческом возбуждении, истовом желании.

Глеб двигался ритмично, как отбойный молоток, входил на всю длину и выходил так же. Слизывал слёзы, перемешанные с ливнем с красивого лица и продолжал, продолжал, продолжал – ещё и ещё, целую вечность, пока не замер от сильнейшей пульсации, пронзительного крика, а после кончил сам.

Глеб не помнил, когда и куда отбросил презерватив, он сосредоточился на обмякшей в его руках женщине. Осторожно усадил на пассажирское сидение, кое-как, максимально быстро привёл себя в порядок, потом вернулся к ней.

Красивая, какая же она красивая... Невыносимо желанная, даже сейчас, сразу после безумного, ненормального секса, посередине дороги, между отбойником и капотом внедорожника.

Видимо, всё должно было завершиться именно так, а может быть... начаться?

Глава 1. Ирина

Кто решил, что сделать глянцевый натяжной потолок в жилой комнате отличная идея? Я таращилась на лакированную поверхность, и чувствовала себя, как на операционном столе или столе для вивисекции. По моим представлениям, конечно, как на операционном столе, хоть двадцать пять лет жизни я обходилась без врачебных манипуляций, и «вивисекция» – слово в моём лексиконе чужеродное.

Раздраженно перевернулась на бок, уставилась в стену с обоями, попыталась смириться с жёлтыми цветами на размытом грязно-голубом фоне. Я до сих пор помнила, как эти обои покупали, и что они мне категорически не нравились. Зато продавались со скидкой, потому выбор пал на жёлтые кляксы, мутный голубой фон, а обои помнили меня. Как я лежала здесь почти семь лет назад и глотала слёзы обиды, отчаяния и любви. Самой первой, самой настоящей, на всю оставшуюся жизнь! Благо хоть недолгую. В двадцать пять лет я собиралась постареть, а в тридцать превратиться в страдающую старческим слабоумием бабу.

И вот, спустя семь лет, я находилась в той же комнате, смотрела на те же обои, глядела в нелепый, на фоне старых стен, глянцевый потолок, и стареть не собиралась. Поумнеть бы к тридцати годам. Ведь то, что я делала прямо сейчас, и за несколько часов до этого абсолютно точно не признак ума.

У меня была благоустроенная жизнь, приличная работа, хорошая квартира в центре города, который любила всей душой. Последнее, о чём я мечтала, – рвануть в южный, приморский городок собственного детства, раздражённо взбивать подушку, страдать от духоты летней ночи, пытаться уснуть, слушая пьяные разговоры, несущиеся в окно – источник моей бессонницы.

Стоило встать, закрыть окно, включить сплит-систему, перестать подслушивать, изображая мёртвого опоссума, но тогда бы я не слышала голос любви всей моей жизни. Той самой – первой, настоящей, которая навсегда.

– Мне сразу твоя Лийка не понравилась, – повторил примерно двухсотый раз за вечер Коля – мой родной брат, лучший друг любви всей моей жизни, а прямо сейчас – пьяный, тридцатипятилетний подводник в отпуске. – Цыпе, кстати, тоже, а дети, они как звери: плохого человека сразу чувуют! – это про меня.

В одном предложении назвать и ребёнком, и животным двадцатипятилетнюю обладательницу длинных ног, упругой задницы и груди третьего размера мог только Колян.

– Правильно делаешь, что разводишься, – продолжал Коля. – Найдём мы тебе бабу, правда, Нюта?

– Обязательно, – отозвалась жена брата, мать его троих детей, боевая подруга, кладёз всяческих достоинств, начиная от внешности, заканчивая умением готовить.

– Нют, хоть подругу твою, Диану! – продолжил брат. – А что? Женщина хозяйственная, ладная, грудь во какая!

– Сейчас спать отправишься, – резанула Нюта. – Давно на Динкину грудь смотришь, спрашивается? Шрам от аппендицита часом не разглядел?

– Я? Не пялюсь я, пацаны рассказывали! Честное слово, в глаза грудь Динки не видел. У неё и нет сисек-то. Это я так... Глеба поддержать.

– Конечно, нет, – фыркнула Нюта. – Пятый размер.

– Да ты что? – наиграно удивился Коля. Когда бог выдавал умение врать, мой братец точно стоял в очереди за чем-то другим. – Глаза у Дианы в пол лица, лупатые, синие, как море, – продолжил сватать Коля. – Ляжки крепкие, лошадиные!

– Шёл бы ты спать, Колёк, – раздался голос того, ради кого я пролетела почти пять тысяч километров. – Договоришься.

– Уже договорился, – буркнула Нюта.

– Я же от чистого сердца. Диана твоя – красивая, яркая, одинокая. Чем не пара Голованову?

– Колян, уймись. Делать мне нечего, на Кольский полуостров ехать за какой-то Дианой? Да и завязал я.

– С чем?

– С красавицами завязал. Хочу простую, домашнюю, тёплую, хозяйственную. Видеть по утрам сонную, и не понимать, что больше хочется – переспать прямо сейчас или затискать. Вот, такую как Нютка хочу.

– Но, но, но, – послышалось возмущённое бурчание брата.

– Поехал я домой, – ответил Глеб. – Мужика не бей сильно, пригодится. – Наверняка он обратился к Нюте, демонстрируя знаменитую улыбку – смесь восхищения и снисходительности.

– Не за рулём? – обеспокоилась Нютка.

– Не, такси вызвал, завтра машину заберу. Ворота помню, как открываются. Цыпе привет.

Через пять минут двор осветили фары подъехавшего такси, Голованов укатил, я закрыла окно и наконец-то провалилась в долгожданный сон.

Я чувствовала вкус его языка между своих губ, лёгкие поглаживания-заигрывания, прерывающиеся тяжёлым мужским дыханием, от которого внутри всё цепенело и сладко-сладко ныло. Вкус, от которого разум испарялся, сердце заходило в бешеном темпе, дыхание сбивалось. Между ног становилось горячо, я рефлекторно сжимала бёдра, когда мужская ладонь настойчиво разводила их в сторону, поглаживая эпицентр моего желания, становившееся неистовым. Глубокий поцелуй застал меня врасплох, язык, который протискивался глубже и глубже, завоёвывал границы дозволенного, заставил растеряться. Мелькнувшая мысль о бегстве погибла под спудом обрушившихся на тело безумных ласк. Настоящих, умелых, взрослых. От них дыхание перерастало в стон, кружево трусов становилось нещадно мокрым, а организм требовал разрядку. Сейчас же, сейчас...

От острого требования тела я проснулась, рука машинально отправилась в пижамные шорты, пальцы сделали своё дело, сбрасывая гнетущее напряжение. Я откинулась на подушку, зажмурила глаза. Самоудовлетворение стало неотъемлемой частью моей жизни. А ведь у меня были стабильные отношения с приятным во всех смыслах мужчиной. Они не тянули на романтическую историю любви, но в комплекте с регулярными, можно сказать, удовлетворительными занятиями сексом шло симпатичное лицо, прокаченный торс и сносное чувство юмора.

С добрым утром, Цыплакова Ирина Васильевна!

Вскоре, несмотря на раннее время, частный двор Цыплаковых заполнился разговорами, детским визгом, гроыханием посуды, выразительными стонами Коли, не менее выразительным сердитым шипением Нюты, довольным голосом мамы и громогласным «догоню-догоню» отца в адрес внуков.

– Ириш, завтракать будешь? – окликнула меня мама, когда я полусонная шлёпала из уличного душа. – Я овсяную кашу сварила, как ты любишь. Инжир добавила!

– Спасибо... – А что еще ответить? С детства не выношу овсяную кашу, инжир, и вообще – завтракать. Столько времени молчала, теперь тем более лучше помалкивать.

У родителей настоящий праздник. Приехали сын с женой, внуки, и даже дочь, которая отказывалась совать нос в родное гнездо, примчалась по неведомой причине. Стоит ли вспоминать, как я давилась завтраком каждое утро? В конце концов, наверняка правильно кормить ребёнка перед школой, зная, что обед в два часа дня вряд ли будет съеден. В детях я ничего не понимала, в ближайшие десять лет не собиралась разбираться, потому оспаривать родительский авторитет желания не возникало.

– Здравствуйте всем! – раздалось со стороны двора, там, где обычно оставляют машины отдыхающие, а вчера бросил свой внедорожник Глеб.

– Здрав, – ответил брат.

– Привет, – пискнула Нюта, на ходу поймала младшего сына двух лет от роду, решившего до завтрака наесться грушей-падалицей.

– Проходи, проходи, Глебушка, – засуетилась мама. – Позавтракай с нами, голодный, небось, ходишь.

– Спасибо, Лариса Павловна, – ответил несчастный голодающий ростом выше ста девяноста сантиметров, обладатель широкой грудной клетки, объёмных мускулов на руках, что бугрились сквозь длинные рукава светлой рубашки. На животе, я уверена в этом, красовались рельефные кубики, косые, поперечные и прочие полагающиеся привлекательным альфа-самцам мышцы.

– Какая Лариса Павловна? Тётя Лариса, – зачастила пуще прежнего мама. – Садись, садись, Глебушка, поешь по-человечески.

– Спасибо, с радостью, – согласился несчастный владелец сети частных клиник, обладатель внушительного внедорожника, стоимостью выше, чем всё имущество Цыплавых, нажитое за тридцать пять лет брака.

– Цыпа! – Наконец голодный разнесчастный Глебушка заметил меня.

Впились взглядом, и я отошла на пару шагов, чтобы ему стало лучше видно. Это для брата я оставалась ребёнком и зверьком в одном лице, для папы вовсе из пеленок не выросла, а для всего остального человечества считалась настоящей красавицей, правда не самого высокого роста.

Никакого преувеличения – красавицей. Непонятно, как у заурядных родителей среднего роста и внешности родился ребёнок подобного обличья. Говорили, я похожа на бабушку со стороны отца – актрису Иркутского академического драматического театра, ту самую, в чьей трёхкомнатной квартире я жила центре Иркутска. В одной из комнат, кстати, до сих пор висели старые афиши с портретами молодой бабушки – особого сходства с собой я не видела, однако версия оставалась рабочей.

Я могла смело выбрать карьеру фотомодели и преуспеть в ней. Стать знаменитой блогершей, основной контент которой фотографии красивого лица, плоского живота, длинных, стройных ног, упругой задницы, а ещё груди почти идеальной формы и ухоженных волос. Одним словом – воплощенная мечта инстаграма.

Обычно я не думала о собственной внешности в столь красноречивых выражениях. Откровенно говоря, красота принесла мне мало счастья, зато проблем, пока я не осознала её силу, доставила массу. В любой другой ситуации я бы не вспомнила о своих достоинствах, но только не тогда, когда передо мной возник собственной самовлюблённой персоной Голованов Глеб. Считайте это инстинктом самосохранения!

Мужской оценивающий взгляд скользил по мне. Я знала, что он видит: распущенные, невысохшие после душа волосы, капли воды, стекающие по ткани белого сарафана, который едва-едва доходил до середины бедра. Чётко очерченную линию груди и, да, вызывающе торчащие соски.

– Иди хоть обниму тебя, Цыпа! – громыхнул Глеб.

Он распахнул объятия, сделал несколько наглых шагов в мою сторону, подхватил, прижал к себе, раскачивая из стороны в сторону. Мои ноги болтались в воздухе, сланцы разлетелись в разные стороны, мне не оставалось ничего другого, как вцепиться в шею Глеба и покорно висеть, в ожидании, когда любовь всей моей жизни остановится.

Когда сухие губы Глеба расцеловали меня в щеки, сначала в правую, потом в левую, следом в нос, и будто случайно скользнули у губ, я напряглась. Застыла. Но была тут же оставлена в сторону со смешками и ворчанием, мол, дети растут, а они, старики, лишь чахнут, вянут,

дряхлеют. Дряхлеют, как же... Очевидное доказательство «дряхлости» упиралось в мой живот секундой раньше. Не чахлое, не дряхлое и уж точно не вялое доказательство.

В свою комнату я влетела с космической скоростью, рухнула на кровать, попыталась справиться с горящими щеками, судорожным дыханием, беснующимся сердцем, горячим огнем, растекающимся внизу живота. Сердце грозило проломить грудную клетку, руки тряслись, как в лихорадке, губы высохли. Я облизывала их, прикусывала, вспоминая вкус легкого дыхания Глеба несколько минут назад.

Машинально скользнула рукой по талии, там, где казалось, осталось тепло его ладней, опустила по крепко сведённым бёдрам и погасила непонятно откуда взявшиеся слёзы. Я должна была переболеть наваждением по имени Голованов Глеб. Он сделал всё, чтобы именно так и случилось. Приложил максимум усилий, проехался танком по моей любви, сделал разворот на месте, втоптал всё, что я лелеяла не один год. Однако стоило нашим телам соприкоснуться, как мои руки затряслись, а внутренности свело от жаркого, невыносимого желания.

С горем пополам мне удалось успокоиться. Постепенно я выровняла дыхание, собралась с мыслями. Не для того я уехала за пять тысяч километром от родного дома, начала жить взрослой, полноценной жизнью самодостаточной женщины, чтобы снова попасться в ловушку собственных чувств. Я неспешно переоделась в более подходящее ситуации платье, и спустилась в беседку под увитым виноградом навесом, к общему завтраку.

Глеб уехал, сидящие за общим столом живо обсуждали новость номер один: Головановы разводятся. После семи лет брака, четырнадцати лет отношений делят имущество через суд, ругаются, скандалят. Уму непостижимо! Такая хорошая, дружная, любящая пара! Детей, правда, не нажили, но семьёй были красивой. Крепкой, всем злопыхателям на зависть.

И что самое невероятное: именно Лия стала инициатором развода. Вернее, на развод подал Глеб, а что ему оставалось, когда жена загуляла с молоденьким, двадцатитрёхлетним представителем армянской диаспоры. Скандал стоял на весь белый свет.

Горе любовник из уважаемой влиятельной семьи, в планы которой точно не входили натянутые отношения с важными персонами побережья – Головановыми отцом и сыном. Обалдевший папаша любовника спешно отправил сына подальше из города. Говорили, что за границу к дальним родственникам, чтобы приглядывали, как бы «влюблённый» не натворил глупостей. Кровь южная, молодая, горячая. Глеб выставил за порог изменщицу, оплатил билеты к маме в Нижегородскую область и подал на развод.

Собственно это не стало для меня новостью. Увы, именно из-за развода Глеба я бросила свою размеренную, обустроенную, благополучную жизнь и рванула в родительский дом на побережье Чёрного моря. Несмотря на лето, на то, что искренне, всем организмом от макушки до пяток ненавидела жару, пыль, толчею отдыхающих и прочее, по неведомым причинам привлекавшее толпы туристов на крохотный клочок земли у берега тёплого моря.

Утром я узнала о том, что Глеб разводится, а значит, у меня появился шанс на реванш: уж в этот раз я точно не сбегу, трусливо поджав хвост, спустя семь лет найду способ проехаться по Голованову с тем же цинизмом, с которым он прокатился по моей любви. Так что вечером я уже сходила с трапа самолёта, щипая себя за руки, не веря самой себе.

Где-то между этими событиями уместился разговор с Нютой, в котором она сетовала на ситуацию с Головановым. Глебу она сочувствовала всем сердцем, Лию поливала последними словами, что не пристало говорить дочери и жене кадровых военных, но своя рубашка ей была ближе. Николай принялся с завидным энтузиазмом утешать друга, а на это никакого здоровья не хватит. «И вообще» – многозначительно добавила Нюта.

Тогда же состоялся спешный разговор с Вадимом, который только глазами хлопал, да пытался понять, какая муха меня укусила. Он даже не сообразил отвезти меня в аэропорт. И к лучшему! Наверняка, я была похожа на алкоголика, собирающегося развязать. Отвечать на вопросы Вадима не хотелось, говорить правду – тем более.

И ещё договорённость с соседкой-пенсионеркой, что она приглядит за квартирой. Домашних животных и цветов у меня никогда не было, но мало ли – глаз всегда нужен. Там же спешная покупка билета, по цене которого можно бюджетно отдохнуть в Турции. Быстрый звонок Коле, честное-пречестное заявление, что в кои-то веки выдалась возможность навестить родителей. Повидать его, Нюту, племянников – младшего ребенка я видела лишь на фотографиях.

Чуть позже состоялся приезд домой. Суета: хлопоты мамы, громкий, армейский выговор папы, визги племянников, пара драк между ними же. Ночной приезд Глеба с двумя бутылками бурбона. Моё бегство в комнату под предлогом дичайшей усталости. Бессонная ночь, утренний ритуал, объятья, недопоцелуй Голованова и...

«Что „и“?» – спрашивала я себя и не находила ответа.

Меня ждало возвращение в собственную юность, и в этот раз я не собиралась отступить. Этим летом самодовольная, снисходительная улыбка обязательно сползёт с лица Голованова Глеба.

Глава 2. Глеб

Голованов Глеб не сильно удивился, когда Колёк – лучший друг детства – сообщил, что впервые за семь лет его младшая сестрица решила навестить отчий дом. В глубине души он был уверен, всё так и будет.

С того момента, как Голованов поймал на горячем жену – увидел дёргающийся волосатый зад между ног благоверной, – он безотчётно ждал появления Иры. Не могла Цыплакова Ирина, или Цыпа, как её называли, пропустить столь знаменательное событие – его развод.

Он отлично помнил скомканную записку на тетрадном листе, где каллиграфическим почерком выпускницы школы было написано: «Ты ещё пожалеешь, что выбрал её, а не меня». Что ж, он пожалел, что выбрал «её», свою почти бывшую жену, но никогда в жизни не сомневался в том, что не стоило связываться с Цыплаковой.

Плевать на то, что крутить роман с младшей сестрой лучшего друга сомнительная идея с точки зрения морали, особенно семь лет назад. На обширный insult, который наверняка разбил бы Колька, узнай он подробности взаимоотношений Глеба и Цыпы, тоже можно смело забить. А вот характер самой Ирины проигнорировать было невозможно.

Глеб всегда чётко представлял, какая именно спутница ему нужна, лет в десять уже твёрдо знал, какие именно качества важны для гордого звания «жены». Ослиное упрямство и хитрожопость в список точно не входили, как и вызывающая красота. Правда, в итоге-то он выбрал красотку, повёлся на блондинку высокого роста и бесконечные ноги, как рыбёшка на блесну, отчего и пострадал.

Цыпа всегда была красавицей. Сначала красивым ребёнком, потом подростком без пубертатной лабуды, вроде обсыпанного прыщами лица и неравномерно растущего тела. Девушкой же выросла и вовсе шикарной. Надо сказать, все перемены в облике Иры Глеб замечал опосредованно, лишь констатируя факт: надо же, у Цыплака-то красивая сестричка.

В свои двадцать пять он в упор не видел в пятнадцатилетней Цыпе объект для ухаживаний. К тому же, у него уже была Лия – обалденная блондинка, по которой он всерьёз сходил с ума. Позже он Цыпу разглядел, только не как потенциальную невесту, а как источник нескончаемой головной боли.

И всё же, несмотря на абсолютно ясное понимание, что Цыпа – последняя женщина, с которой ему хотелось бы отношений, Голованов Глеб с нетерпением, прямо-таки юношеским задором ждал встречи с ней.

Краем глаза Глеб следил за жизнью Ирины. Иногда семейный до мозга костей Колёк сетовал, что бестолковая сестрица никак не обзаведётся семьёй и выводком детей. Порой Цыплаковы-старшие, к которым он время от времени заскакивал по старой памяти, вздыхали, что институт-то доченька закончила, а «человеком становиться» не спешила. По мнению Василия – отца брата и сестры Цыплаковых – женщина обязана «получить образование, а после устроиться на человеческую работу, завод там или бухгалтерию», чтобы в своё время «иметь право на декретные».

Случалось, заглядывал на социальные страницы Иры, ругал себя за любопытство, но его тянуло туда, словно там было мёдом намазано, причем всегда пьяным, в приступе сентиментальности. Потом Глеб тщательно заметал следы, подчищал историю браузера, чтобы не Лия не поймала на интересе к другой женщине, пусть и сестре друга.

Выкидывал из головы то, что увидел: из головной боли Цыпа уверенно превращалась в первостатейную стерву. Внешность часто обманчива, но не в этом случае. Ире было мало безупречной внешности от природы, она совершенствовала себя год от года, добавляла маленькие штрихи в собственный и без того охрененный образ. Окончательно вынесло Глеба, когда он увидел фото татуировки в виде изящных цветов от ключицы до линии бикини, которая

демонстрировала, что под купальником остались спрятанные завитушки и лепестки, прямо-таки ждущие, когда жадные мужские лапы доберутся к вожделенному телу.

Голованов не был ретроградом, просто считал, что для женщины татуировки в первую очередь инструмент, чтобы скрыть недостатки. Явные или придуманные – неважно. Мешает гипотетической Маше кривой шрам на животе, кажется ей, что каждый встречный мужик видит его сразу сквозь слои одежды, и именно поэтому не складывается личная жизнь, пожалуйста – пусть скроет дефект росписью по телу и радуется жизни. Зачем откровенной красавице разрисовывать себя под хохлому – неясно, впрочем, любому понятно, для чего женщины используют «украшения» с явным сексуальным подтекстом, вызывающем вполне определенные реакции и желания у мужчин. То самое «понятно» взбесило Глеба до бурлящих соплей.

Отказать себе в визите к Цыплаковым Глеб не смог. Притащился на ночь глядя, понимая, что Ирина только-только прилетела, и воссоединившемуся впервые за семь лет семейству будет не до гостей. Однако Ира не вышла, сослалась на часовые пояса, усталость после дороги. Вечер превратился в тривиальную пьянку, когда Колёк в очередной раз порывался найти Глебу бабу, а Нюра щедро подкладывала закуску друзьям детства, дабы те окончательно не ушли в штопор.

Утром заявился ещё разок, и предлог нашёлся удобный: специально оставил машину во дворе Цыплаковых, хотя легко мог воспользоваться услугой «трезвый водитель». Обычно именно так Глеб и поступал, чтобы не тащиться ни свет ни заря обратно в посёлок. В этот раз удачно «забыл».

Ирина появилась во дворе как-то внезапно, будто Глеб не специально за этим эффектным появлением приехал. Сродни шумовой гранате, как не готовься, а дух вышибет.

Перед Глебом возник во всей красе чистый секс, концентрированный! Ирина стояла перед ним, словно позировала мировая знаменитость, не забыла повернуться самым выгодным ракурсом, можно подумать, у неё были невыгодные. Оценивающе оглядела его с ног до головы, а потом зыркнула, молча говоря: «Пожалел!»

Пришлось переключить внимание Цыпы, заграбастав в объятия, как когда-то давно, вот только обнимал в этот раз Глеб не ребёнка, а половозрелую сексуальную женщину, о чём ему незамедлительно сообщил предательский мужской организм.

Женщину безумно красивую, которая пахла свежестью, чистотой, чем-то забытым, остро-сладким, как изысканная приправа. Ту, которую вдруг захотелось присвоить в единоличное пользование, подмять под себя в прямом и переносном смысле, а для начала впиться в губы сладким поцелуем.

Странное желание, учитывая, что эта красивая женщина была той самой Цыпой, которая едва не расстроила его свадьбу семь лет назад. Ведь он был в миллиметре от того, чтобы не поехать в ЗАГС, несмотря на обстоятельства. Плунуть на то, что он обязан был жениться, без вариантов и попыток откупа. Глеб едва не разрушил собственную жизнь, и всё из-за восемнадцатилетней сестрицы лучшего друга.

Потом-то жизнь дала трещину. Теперь Глеб разводился, став посмешищем половины побережья, рогами подпирая небо. И всё же семь лет назад он сделал правильный выбор, глядя на красоту перед собой, Глеб понимал это отчётливо, как никогда.

А ещё понимал, что этим летом он не упустит свой шанс на роман с Цыпой. Чёрт, нужно быть полностью кастрированным, с напрочь отбитым головным мозгом, для верности – мёртвым, чтобы отказаться от такой женщины.

Глава 3. Ирина

После завтрака Коля отправился на пляж с сыновьями. По лицу несчастного было видно, насколько ему претит перспектива торчать на берегу среди шумной толпы отдыхающих в компании трёх мальчишек, под лучами солнца, которое уже начинало припекать. Нюта была непреклонна. Пребывание на море она рассматривала, как профилактику всех детских болезней вместе взятых, начиная от рахита, заканчивая ринитом. Удручённый вид супруга её не трогал. «Пить надо меньше», – читалось в прищуренных, светло-голубых глазах жены.

Коля ушёл по переулку, обвешанный детьми, надувными кругами, полотенцами, ярким ведром с набором лопаток и пластмассовым самосвалом. Посадил двухлетнего Алёшку на шею, водрузив на него нарукавники и панамку. Пятилетнего Серёжку крепко держал за руку. Старший, девятилетний Олежка топал поодаль, демонстрируя всему миру, а в первую очередь себе, самостоятельность.

Сыновья были похожи на отца. От Нюты им не досталось ничего, будто не рожала, а ксерокопировала. Коля не бросал надежду уговорить жену на дочку, клялся, что уж девочка-то точно уродится красавицей как мама. Нюта лишь скептически фыркала. Если с трёх попыток не удалось, стоит ли пытаться.

– Или ещё хуже, – добавляла она со смешком: – Родится девочка похожая на тебя!

Объективно Цыплаков Николай не был уродом, как можно подумать по фырканию Нюты. Широкие скулы, выразительные карие глаза, густые тёмно-каштановые волосы, которые вились, если отрастали длиннее трёх сантиметров. Широкая, заразительная улыбка – мечта рекламодателей зубной пасты. Роста Колёк был среднего, плечи имел широкие, руки сильные, с рельефными, объёмными мышцами. Нюта постоянно жаловалась на невозможность купить мужу «приличную» футболку. Не выпускает лёгкая промышленность на эдаких богатырей. Вся эта роскошь держалась на крепких, кривоватых ногах. Венчали же портрет торчащие уши.

Сыновья уродились коренастыми, вихрастыми и лопоухими, что никак не портило мальчишек. Со своими задорными улыбки и весёлым нравом в любом обществе они всегда становились центром внимания. Старший считался лидером в классе, душой компании. В среднем были влюблены все девочки из группы детского сада. Младший собирал улыбки прохожих, как грибник подберезовики в урожайный год после дождя. Коренастая, с кривоватыми ногами, лопоухая девочка вряд ли будет пользоваться таким же успехом.

Нюта умчалась в летнюю кухню, где варилось варенье, разнося по двору сладкий аромат. Мама суежилась, складывая постиранное постельное бельё в ровные стопки, отец, как всегда, что-то ремонтировал.

Я огляделась, отмечая, что изменилось за прошедшие семь лет. По сути – ничего: дом обшили жёлтым сайдингом, поменяли черепицу, и крыша стала сочного бордового цвета, как раздвижные ворота во двор. Бетонные тропинки вдоль грядок, клумб, фруктовых деревьев, беседок-пергол, увитых виноградом или глицинией, пристроенные там столы, стулья, кресла. На границе участка – душевые, уборные, летние кухни.

– Ириша, – услышала я голос мамы. – Чем собираешься заниматься? На море пойдёшь?

Я закатила глаза. На море? Хватит и того, что я приехала. Береговую линию видела под крылом самолёта: как всегда синяя, усыпанная отдыхающими, – ничего нового.

– Так и подумала, – довольно закивала мама. – Сходи в магазин, я и списочек написала. За углом новый супермаркет построили, а базар на старом месте найдёшь.

– Хорошо. – Чем-то всё равно надо было заниматься. Не мешало бы поработать, конечно, но я могла перенести рабочие часы на вечер, ночь или вовсе отложить на пару дней.

– Можешь отцову машину взять, – шепнула мама, показывая взглядом на старый Гетц.

– Пройдусь, спасибо.

Мне стало дурно при одной мысли, что этого таракана придётся вести по узким улочкам, парковать среди столпотворения машин отдыхающих, готовых приткнуться в любом мало-мальски приспособленном месте, жариться в салоне без кондиционера. Ещё и ручная коробка передач! Последний раз я видела «ручку», когда сдавала экзамен в автошколе. Своей машиной не разжилась, у Вадима был приличный кроссовер с автоматической коробкой, который мне иногда доверяли.

Я шла по знакомым улицам и отмечала перемены, чаще всего незначительные: Здесь забор поменяли, там – вырос пятиэтажный гостевой дом. А в конце нашей улицы как стоял маленький дом, спрятанный в тенистом фруктовом саду, так и стоит, и даже выцветшая от времени и солнца надпись на калитке «есть свободные номера» осталась прежней.

На центральной улице добавились магазины, появились новые столовые, кафе, рестораны – почти все закроются после окончания пляжного сезона. Там же нашёлся большой супермаркет. Семь лет назад невозможно было представить, что в нашем захолустье выстроят конструкцию из стекла и бетона, а сейчас – стоит, светится витринами и раздвижными дверями.

Я остановилась в молочном отделе, приглядываясь к йогуртам местного производства, и вдруг услышала рядом голос Глеба. Драматический баритон, как сказала бы моя мама, которая преподавала музыку большую часть жизни. Чем отличается драматический баритон от лирического я не понимала, но мурашки, которые мгновенно выступили у меня между лопатками, очень выразительно, со всей возможной драматичностью двинулись вдоль спины и осели у копчика, грозя опуститься ниже, под розовые трусы.

– Да, да, да, – говорил Глеб, держа ухом телефон, уставившись на пачку кефира. – Да, да, – выдерживая паузы, соглашался он. – Буду в час, – закончил Глеб, протянул руку к кефиру, сморщился, поставил на место, тяжело вздохнул и перевёл взгляд на меня.

– Цыпа! Ты какими судьбами здесь? – произнесено это было таким тоном, будто сегоднешним утром мы не виделись, а его руки не шарили по моим бёдрам. Просто я вышла из квартиры в Иркутске и вдруг оказалась в супермаркете на побережье Чёрного моря. Волшебство!

– Мама в магазин отправила, – обозначила я, как казалось, очевидное, и замерла от чувства дежавю.

Впрочем, это не дежавю. Тысячи раз в прошлой жизни Голованов встречал меня в магазинчиках, на улице, когда я спешила из школы или на дополнительные занятия точно таким же: «Цыпа! Ты какими судьбами здесь?». Я точно так же стояла, моргала, бляла что-то про маму, Колю, учительницу по математике, а он улыбался, снисходительно и покровительство, точно в-точь как сейчас.

– Что, похмелье мучает? – очнулась я, наконец, вспомнила, что мне не восемнадцать, не четырнадцать и не шесть лет. – Зря отказываешься. – Я показала глазами на кефир: – Говорят, помогает.

– От похмелья помогает секс, – вернул Глеб, нагнувшись под мой рост. Клянусь, у меня волосы на затылке приподнялись от горячего мужского дыхания и запаха парфюма: свежего и одновременно терпкого. – Я не отказываюсь, – это он прошептал, опаяя не только ухо, но и моё несчастное, скачущее в истерике, захлёбывающееся сердце.

– Стой. – Я почувствовала мягкий захват тёплой мужской ладони выше локтя. Окажется, я отскочила, оступилась и едва не свалилась своими пятьюдесятью килограммами на бабульку-одуванчика в широкополой шляпе. – Шучу. – Глеб отступил на шаг, убрал от меня руку и, видимо, для убедительности, спрятал за спину. – Подвезти домой? – совсем другим тоном предложил он.

– Нет.

– Как знаешь, – пожал он плечами, взял кефир и отправился к кассам.

Напоследок наградил меня дружелюбной улыбкой, как у администратора магазина бытовой техники: «Этот пылесос по соотношению цены и качества превосходит ту кофемолку».

На выходе я поняла, что погорячилась с покупками. Для двух полных пакетов хватило бы маминого списка. Я же сверху накидала гостинцев племянникам, заранее готовясь к негодующему взгляду Нюты. И не удержалась от торта из местной кондитерской: уж очень аппетитно тот выглядел.

Идти по узкому тротуару, рассекая строй отдыхающих, при этом не свалиться и не потерять купленное, было трудно.

Свернув в проулок, где асфальт неожиданно закончился, я прокляла приобретённую за годы жизни в цивилизации привычку – ходить на каблуках, а заодно пакеты и злосчастный торт вместе со всеми его завитушками из крема и шоколадными птичками. У перекрёстка стоял знакомый внедорожник, поблескивая чёрными боками. Стекло у водительского места медленно опустилось и показалась сияющая улыбка Голованова.

Да чтоб ему!

– Подвезти? – не скрывая иронии, спросил Глеб.

– Иди ты! – Гордо, насколько это возможно на каблуках, с тяжёлыми пакетами в руках, я обошла внедорожник.

– Так и думал. – Глеб возник передо мной, как ниндзя, забрал пакеты каким-то особенным, мужским жестом, тут же закинул на заднее сидение машины. – Поехали, – отрезал он, одновременно открыл дверь с пассажирской стороны и уставился на меня, будто я первоклашка, умудрившаяся заиграться с подружками на продлёнке.

– Жене будешь указывать, – вспыхнула я.

– Цыпа, не зли меня!

– Какая я тебе Цыпа, Голованов?

– А кто? Цыпочка? Цыплёнок? Цы-пи-лё-но-чек, – кривляясь, ответил Глеб. Тридцать пять лет – ума нет и не будет. – Ладно, Ириша, не злись.

Он примирительно улыбнулся, подал мне руку, а я, как дурной щенок, который надеется на ласку, забралась в нутро автомобиля, обитое натуральной кожей молочного цвета.

Так было всегда, с самого детства, столько, сколько я знала Глеба, а это примерно столько же, сколько помнила себя. Стоило ему поманить – и я неслась, сломя голову.

Глава 4. Ирина

Я родилась в военном городке в Новосибирской области. Как мы жили до переезда к Чёрному морю осталось в моей памяти смутными, бессвязными образами. Не уверена даже, что это мои воспоминания, возможно, детские впечатления нахлопались на рассказы родителей и Коли.

Папа родился и вырос в Иркутске, там же поступил в военное училище, не оправдав чаяний матери отправиться по её стопам – театральным. Летом, перед последним курсом училища, он с друзьями рванул к тёплому морю, где познакомился с дочерью хозяйки, у которой компанией снимали каморку, а через год приехал свататься. Выпускница музыкального училища, будущий педагог, ответила согласием. Свадьбу сыграли быстро, уже через месяц молодая чета отправилась к месту службы – на Алтай. Объездив, кажется, самые отдалённые уголки бескрайней страны, Цыплаковы осели под Новосибирском и никуда уезжать не собирались, если родина не прикажет.

Мне было четыре года, когда заболела мама. Беспричинный кашель. Гарнизонный эскулап развёл руками и дал направление в Новосибирск, там тоже не нашли причину, как и в Москве. Постепенно Цыплаковы заметили, что на побережье злосчастный кашель проходит сам собой. Через два года мытарств по больницам, отцом семейства было принято решение – переезд к морю. Благо, жить было где: от родителей жены по наследству достался дом.

Меня привозили в этот самый дом в трёх- и пятилетнем возрасте, когда ещё почившая ныне бабушка была жива. В моей памяти не осталось ничего, перемешалось с впечатлениями, которые свалились в одночасье в шесть лет.

Помню, как выглядывала в окно поезда и восторженно кричала: «Это море? А когда море?». Помню, в какой восторг меня, шестилетнюю, привёл чердак в доме. Бесценные сокровища, спрятанные там: жестяные коробки с пуговицами, пластмассовые бусы, которыми я могла обвеситься с ног до головы, старый тюль, игравшей роль то фаты, то полога для «домика». Маленькие чашечки, почти кукольная посуда. Почти, потому что игрушечная посуда, которую я видела до того дня, всегда была из пластмассы, а найденный сервиз был из тонкой керамики.

Я умоляла родителей разрешить мне жить на чердаке среди своих богатств, представляла себя принцессой в башне волшебного замка. Естественно, никто не послушал шестилетнего ребёнка, а чердак вскоре переделали в жилое помещение. Драгоценности сначала отправили в кособокий сарай на краю участка, а потом на помойку.

Тогда я ещё не подозревала, что отнятый уголок волшебства – лишь начало бизнеса родителей. Присмотревшись к местным реалиям, отец решил, что участок земли на побережье должен приносить доход.

Первые несколько лет он занимался строительством, бесконечно что-то пристраивал, ремонтировал. В итоге половина участка, выходящая на соседнюю улицу, была отдана под нужды отдыхающих. Семь «номеров» с лёгкостью разместились на той половине. Ещё два «на всякий пожарный случай» были в нашей, семейной части. Пожарный случай случался каждый год примерно в июле и заканчивался не раньше сентября. Когда же случай становился и вовсе огненным, забирали и мою детскую комнату, которая досталась мне от брата, уехавшего из дома в восемнадцать лет.

Два года до совершеннолетия Коли мы прожили в одной комнате, невзирая на недовольство брата и мои постоянные обиды: он забрасывал мои игрушки в самый дальний угол, мог выгнать, когда приводил подружку или собиралась компания его друзей.

Шестнадцатилетнему парню соседство с любопытной шестилеткой, которая при каждом удобном случае рассказывала маме все секреты брата, тоже было не в радость.

Стоило информации попасть в шестилетний мозг, он тут же выдавал её родителям:

«Коля с Зинкой целовался. Да, да, да!»

«Они не на рыбалку пойдут, а на пляж с девчонками. Да, да, да!»

«Я сигареты видела у Коли. Да, да, да!»

Коля скрипел зубами, злился, но поделать ничего не мог. Родители целыми днями думали, как обустроить жизнь. У них шел бесконечный ремонт, появились первые постояльцы, а с ними новые нужды: пришлось сносить цветник у дома, чтобы отдыхающие могли поставить машины; построить беседки, чтобы каждый «номер» имел свой уголок, была возможность вечером посидеть, отдохнуть от духоты и сутолоки, часто с горячительными напитками; докупать электроплитки, кондиционеры, постельное бельё; убираться до заезда постояльцев и после; выдавать чистые полотенца и простыни; порой разнимать пьяные драки, рассказывать о местных достопримечательностях и почему именно в нашем захолустье самое чистое море, целебная вода из-под крана и максимально морской воздух. Всё, что успевала мама сделать для нас с братом, – это поставить в холодильник обед и ужин.

Обязанности присматривать за младшей сестрой в неторжественной обстановке переложили на старшего брата. Он присматривал, как мог. Я откровенно скучала в компании взрослых парней, жарилась на пляже, глядя, как выпендриваются парни перед приезжими девчонками, ныряя с пирса. Сидела под окнами нашей комнаты, прислушиваясь к шептанию за шторами. Лезла с бесконечными расспросами и опускалась до шантажа: я молчу, что брат не ночевал дома, а мне – три порции мороженого, и чтобы обязательно шоколадного, с обезьянкой на этикетке!

Прозвище Цыпа мне досталось вовсе не из-за фамилии Цыплакова, а благодаря привычке подкрадываться на цыпочках к парням в надежде выведать стоящий секрет. А чего вы хотите? Мороженое с обезьянкой стоило дорого, родители, погрязшие в ремонтах и долгах, покупали только самое обычное, сливочное. «Без химикатов», назидательно говорил папа. А мне хотелось непременно то самое, вкусное, с обезьянкой на этикетке.

В число друзей Коли входил Голованов Глеб. Справедливей сказать, это Коля вошёл в круг общения Голованова. Они не должны были дружить, даже общаться. Золотой мальчик побережья, сын высокопоставленного чиновника здравоохранения края и владелицы сети отелей, соответственные дружки-приятели, и вдруг – Колёк Цыплаков. Цыплак. Сын кадрового военного в отставке, который пытался вытянуть из клочка земли и скромных средств максимальный доход.

Коля приезжал на побережье до шестнадцатилетия. Уже в девять лет его одного сажали на самолёт до побережья, а там встречали родственники. Почти всё лето он проводил в пыльном южном городке, под присмотром бабушки и прабабушки. Тогда-то он и подружился с Глебом, которого так же отправляли из шумного города к родственникам.

В девять лет ценится умение дружить, а не фирменные ли у тебя кроссовки. Если бы Коля впервые появился в посёлке в шестнадцать, компания Голованова никогда бы не приняла его. В свои двадцать пять я отчётливо это понимала.

Но в шесть лет меня волновало мороженое с обезьянкой на этикетке.

Первым мой интерес к мороженому просёк Голованов, он же начал превентивно торговаться: мне покупают упаковку с вожаком обезьянкой, а я молчу о том, что услышала, увидела, узнала. В том, что я в курсе всех событий в жизни компании, не сомневался никто. Наверняка, я не понимала и половины происходящего, зато могла в деталях пересказать подслушанный разговор – память у меня всегда была отличная.

– Три мороженных, – заявляла я Глебу, насупившись.

– Два. – Глеб садился на корточки, чтобы заглянуть мне в лицо и прищурился, отчего я начинала пыхтеть, как паровозик, и всегда соглашалась.

Всё изменилось, когда уехал Коля. Я резко повзрослела и начала полноценно помогать родителям. Больше никто не присматривал за мной круглосуточно.

С тех пор, от всей души, изо всех сил восьмилетнего ребёнка, я начала ненавидеть лето. Для детей по всей стране летние каникулы означали отдых, для меня же – это был ранний подъём, влажная уборка номеров, бесконечная глажка постельного белья. К десяти годам меня считали полноценным работником, а в четырнадцать начали платить небольшую, но всё-таки зарплату.

Я не держала зла на родителей, они пытались и пытаются выжить в тех условиях, в которые попали. Зарабатывали деньги, помогали финансово мне и Коле. Думали о том, что единственное наше с братом имущество на данный момент – квартира в центре Иркутска. В ней я живу одна. Рано или поздно квартиру придётся делить, понадобится доплата, чтобы каждому купить жильё больше стола-книжки. У брата маячила невнятная надежда на квартиру от государства, но оставлять его без законно принадлежащего наследства неправильно, мне и вовсе надеяться было не на что, кроме ипотеки.

Жаловаться мне не на что. Я всегда была обута, одета, сыта, мне нанимали репетиторов, отправляли на экскурсии в другие города, покупали необходимые каждому ребёнку безделушки. Вынужденная помощь родителям? Так жили все мои сверстники из семей, чей доход зависел от пляжного сезона.

Никто не удивляется, когда старший ребёнок в многодетной семье присматривает за младшими. Живущие в сельской местности дети помогают семьям на огородах. И я не роптала в детстве, тем более было бы глупо начинать сейчас.

Просто к двенадцати годам я начала мечтать, как попаду в сказочный мир, где нет моря, толп отдыхающих, попыток заработать чуть больше, чем в прошлом году. В четырнадцать моя мечта начала обретать реальные перспективы: Иркутск. Не нужно было платить за съём жилья и даже прилетать на лето к родителям – билеты стоили для тогдашней меня космическую сумму. В восемнадцать лет я осуществила свой план. Поступила в институт и уехала навсегда от всего, что ненавидела всеми фибрами души. В первую очередь от любви всей своей жизни Голованова Глеба.

Влюбилась я раз и на всю оставшуюся жизнь в тринадцать лет. Коля учился в военном училище, приезжал лишь в отпуск. По окончании учёбы, он по распределению попал под далёкий и холодный Мурманск. Кольский полуостров – даже звучало пугающе. Помню, как плакала мама, сидя в тени перголы, увитой виноградом, причитала, вздыхала, громко сморкалась, а папа её утешал, по-военному коротко: хорош сырость разводить, Лариса!

Тем летом Коля не приехал, обустроившись на новом месте службы, а Глеб иногда заходил в гости по старой памяти. Разговаривал с отцом, порой помогал ему с «мужскими делами»: починить, поддержать, отремонтировать. Привозил свежую рыбу, чаще пиленгаса – в то время он как раз обзавёлся катером и новым увлечением, рыбалкой. Всегда захватывал мороженое для меня, шоколадное с обезьянкой больше не выпускали, но ведёрки дорогого лакомства, не продающегося в нашем захолустье, стали отличной альтернативой.

В один из таких дней я гладила ненавистные простыни, вытащив на улицу гладильную доску. Шуму мотора не придавала значения наверняка это был кто-то из отдыхающих. Стоял конец июля, всякий пожарный случай выселил меня в проходную комнатку рядом с родительской спальней, наша половина двора была полна гостей. Тут тебе и студенты, и молодая семья с вечно вопящим младенцем, и компания, приехавшая на море не загорать, а употреблять, и восторженная пара сорока лет.

Калитка открылась, и я увидела свечение, как в фантастическом кино. Зашедший мужчина показался мне самым прекрасным существом на земле. Широкоплечая, высокая фигура, которую окутывали со спины солнечные лучи. Лицо скрывалось в тени, русые волосы купались в полупрозрачных бликах, сильная рука, протянула мне ведёрко с мороженым. Всё это было самым мужественным, что я встречала за свои полные тринадцать лет.

Я стояла, глазела, открыв рот, и не могла поверить, что передо мной просто Глеб Голованов – друг старшего брата. Тот самый Глеб, который на днях подвозил меня с тяжелыми сумками от базара. Всё тот же Глеб, который, кривляясь, вертел перед моим носом пиленгасом, гнусава: «Я золотая рыбка, Цыпа. Я исполню три твоих желания!» Глеб, который за годы стал привычным, почти родным как Коля.

На самом деле я всегда немного робела перед Глебом, особенно, когда начала осознавать себя девушкой. Он был взрослым, самостоятельным, ездил на дорогой машине, управлял катером. По слухам имел настоящую девушку, целовался с ней и, наверняка, не только целовался. И при всём этом считался моим другом. Почему-то это до безумия смущало меня, каждый раз, видя взрослого Глеба, я робела, отвечала невнятно, невпопад, стремилась свернуть разговор и скрыться подальше.

День, когда меня накрыло волной первой любви, стал апофеозом моего замешательства. Я не просто робела, блеяла, пыталась уйти – нет. Я стояла, открыв рот, и любовалась сошедшим с небес ангелом, инопланетным, мифическим существом, прекрасным принцем в образе Голованова.

Не представляю, какая именно нейронная связь замкнула тогда в моей голове, но я онемела и не могла пошевелиться. Стояла и смотрела. Нет, любовалась, пока из витания в облаках среди розовопопых купидонов меня не выдернул окрик:

– Цыпа! Ау! Очнись! Юстас – Алексу. Приём, приём! Цыпа! – Перед моим носом щёлкнули пальцами, и я врезалась в серый, обеспокоенный взгляд Глеба.

Он обеспокоенно прощупал на моей руке пульс, спросил, нормально ли я себя чувствую, посоветовал маме сводить меня к врачу, координаты хорошего педиатра он раздобудет, а я всё смотрела и смотрела на прекраснейшего из принцев, не зная, что через пять лет он заставит меня рыдать, как никогда горько и отчаянно.

Глава 5. Ирина

Целый день я ощущала себя матросом на вахте. Не то чтобы я имела подлинное представление о том, как именно чувствует себя служащий флота, но никакого другого сравнения в голову не приходило. Я убиралась, меняла полотенца в «номерах», гладила очередную стопку чистого постельного белья, носилась, как ужаленная, наводя порядок то здесь, то там. Одним словом, вернулась в детство. С той лишь разницей, что теперь помогала добровольно... Вроде как добровольно. Не сядешь, вытянув ноги, когда родители трудятся с утра до ночи, а Нюта зашивается с тремя детьми.

Очень быстро я не только вспомнила, но и прочувствовала всем организмом, почему с самого детства мечтала уехать куда глаза глядят, лишь бы не оставаться в отчем доме. Безумная жара наваливалась ошпаривающим облаком, окутывала каждый участок тела, духота стояла бетонной стеной. Не спасали раскидистые деревья, беседки, увитые виноградом, навесы. Мы все, включая зелёные насаждения – которые по всем законам должны были выделять кислород, но, похоже, процесс фотосинтеза в полдень словно останавливался, – варились в солнечном мареве. Единственное, чего я хотела – упасть под струи кондиционера и не шевелиться до наступления Ледникового периода, а не носиться, как заведённая, в ожидании очередного постояльца.

Время от времени я поглядывала на Нюту, которая целый день кашеварила, выскакивая из летней кухни только для того, чтобы экстренно среагировать на очередную мальчишескую шалость. Алёша пытался наестся земли. Чем она приглянулась двухлетке, осталось загадкой. Нюта вытряхнула комок из пухлой ладошки в тот момент, когда карапуз уже тащил его в рот. Серёжа пробрался туда, где проживали отдыхающие, залез на табурет по своим пятилетним надобностям и едва не свалился в раскалённую сковороду. Он был оперативно застигнут мамой и отправлен в угол со словами: «раз человеческого языка не понимаешь». Олега же Нюта поймала на попытке соорудить «бомбочку» из гидроперита и анальгина, за что тут же отвесила смачный подзатыльник мужу.

То и дело по участку разносились крики: «Алёша, брось каку!», «Серёжа, накажу!», «Олежка, иди лучше почитай! Вечером проверю!», «Николай, сними эту рубашку, изгваздается! Шорты переодень!». Между поимками членов семьи на месте преступления, Нюта умудрялась закручивать банки с вареньем, аджикой и маринованными огурцами – стратегическим запасом витаминов на зиму.

А я смотрела на прелести замужней жизни и думала о том, что мне такого «счастья» не нужно. Как же хорошо, вольготно и спокойно я жила в Иркутске! Никто не пытался жевать землю или прыгать по раскалённым углям, мне было безразлично, испачкает ли Вадим рубашку, ведь не мне её стирать, а о хрестоматии для чтения в начальной школе к своим двадцати пяти годам я попросту не вспоминала. Мне не приходилось утюжить сразу по пять комплектов постельного белья и двенадцать полотенец, и уж точно я забыла, когда намывала столько квадратов жилой площади.

Время от времени я задавалась вопросом, зачем приехала, для чего вернулась в адово пекло из жары, пыли, пота, толп отдыхающих? Да чтоб этот Голованов провалился! Пока я жарилась в кругу семьи, отчаянно пытаюсь получить радость от общения с родными и близкими людьми, он разъезжал на своём внедорожнике, окутанный прохладой климат-контроля, или нежился в рабочем кабинете. Наверняка с кондиционером, огромным диваном и вальяжным директорским креслом.

К вечеру мне хотелось взять билеты на самолёт и улететь подальше от курортных и семейных радостей. Море я увидела, родителей навестила, племянников посмотрела, торт в сорокоградусную жару поела, даже слегка обгореть успела – не пора ли возвращаться в зону личного

комфорта? Именно об этом я мечтала, когда смотрела в глянцевый потолок своей комнаты, растянувшись, наконец-то, на кровати. Плечи пощипывало от загара, ноги гудели от непривычной нагрузки, в голове блохами скакали мысли.

– Шашлык-машлык делать будем, – услышала я в открытое окно голос Глеба, отчего сразу расхотела возвращаться в Иркутск.

«Есть у нас ещё дома дела...» – как поётся в песне фронтового шофёра.

Но «Может быть отдельным штатским лицам эта песня малость невдомёк»? Так мы донесём, оформим в лучшем виде, решила я.

Дослушивать Глеба не стала, рванула в душ, захватив с собой ароматный гель для душа от Шанель. Вадим привёз из командировки во Францию. Он часто делал подарки, не драгоценности, конечно, откуда у начинающего специалиста, который стремился построить карьеру без папиной помощи, деньги на бриллианты с изумрудами, но на парфюм, брендовую бижутерию или брендовое бельё не скупился. Для себя старался, в конце концов.

К подбору наряда подошла с умом. Вычурное вечернее платье отложила для другого случая, не решила, для какого именно. В сторону брюк не посмотрела, не для того я полчаса втирала лосьон для тела, чтобы прятать стройные от природы ноги, сияющие и увлажнённые, между прочим. Несколько сарафанов было мной забраковано, как недостаточно сексуальные, футболки и майки со смешным принтом тем более.

Остановилась на белой юбке с воланами, едва прикрывающей пятую точку. Юбка держалась ниже пояса, словно стала велика, между делом демонстрируя плоский живот. В комплект к ней выбрала шёлковую короткую майку, сквозь которую ненавязчиво просвечивало кружево бюстгальтера. неброская бижутерия дополнила образ. Ничего особенного, не в халате же коротать вечерок красивой девушке. Юбке не хватает длины, майка немного просвечивает, но я в родном доме, в кругу семьи. Колёк на меня смотрел, как на помесь мальтийской болонки с трёхлетним ребёнком, а папе всегда было безразлично, как я выгляжу, лишь бы голову на жару не напекло, а в ветреную погоду шарфом горло было прикрыто. А что в гостях у нас посторонний мужчина, меня никто не предупредил. Да и какой посторонний, а тем более мужчина. Голованов-то?

Я вышла из комнаты, благоухая духами, туманами и загадочным настроением. С улицы доносилась музыка и детские крики, казалось, что во дворе не трое мальчишек, а целая рота сорванцов. Время от времени слышался мужской гогот, разговоры, голоса. Среди них выделялся один, который запускал вдоль моего позвоночника мурашек на колких, ледяных лапках.

Стало необходимо перевести дух, вспомнить, что мне исполнилось двадцать пять лет, я больше не влюблённая восемнадцатилетняя девчонка, готовая кинуть к ногам эгоистичного, самовлюблённого нахала чувство собственного достоинства.

Постояла несколько минут, слушая, как стучит посудой Нюта, накрывая на стол, время от времени бросая: «Алёша не жуй!», «Серёжа не лезь!», «Олежек, накажу!», «Николай, сейчас же сними эту рубашку!», «Глеб, и ты переоденься, вонять костром будешь!». Каким-то чудом у Нюты хватало терпения на всех своих архаровцев и еще на Голованова оставалось. Ничего себе, женское счастье. Я бы, наверное, всех приковала к чугунной батарее и отпускала только по нужде, под вооружённым конвоем, естественно.

Я отошла от окна, где прислушивалась к беседе на улице, сделала пару шагов и врезалась в огромную глыбу. В Глеба Голованова собственной наглой персоной! Когда я умудрилась забыть, насколько высоким тот был? С утра он мне таким огромным не показался. Привычно высоким, более накачанным, чем семь лет назад – видимо, он стал завсегдатаем спортивного зала, – однако ощущения, что рядом возвышается великан с огромными ручищами, по сравнению с которым я стремительно сжимаюсь до размеров Дюймовочки, не было.

Глеб не покачнулся, не отступил, будто не с живым человеком столкнулся, а мотылька случайно сбил и не заметил.

– Ум, – выдохнул Глеб, подхватил меня за поясницу, легко притянул к себе, как назло, не встретив ни малейшего сопротивления. Моё тело рядом с Глебом начинало жить своей жизнью. Мозг, впрочем, тоже. – Какой запах. Шанель? – Он безошибочно назвал аромат. – Тебе идёт. Сама выбирала?

– Нет, мужчина подарил. – Я не стала сдерживать ехидства. Пусть знает, он не единственный знаток женского парфюма.

– Как я мог усомниться? – самовлюблённо ухмыльнулся Голованов, тут же отпустил меня, от чего стало как-то зябко, несмотря на то, что температура не опустилась ниже тридцати трёх тепла. Оглядел с ног до головы, неспешно прошёлся взглядом по телу, словно прикидывал, достойна ли я внимания царственной особы в его обнаглевшем лице, а после продолжил: – Хороший вкус у твоего мужчины.

– Естественно, хороший!

Если Вадим выбрал меня, значит, вкус у него хороший, вероятно даже идеальный. Безупречный! В отличие от Голованова, который меня не выбрал.

– Не то, что у тебя, – зачем-то выпалила я.

Хотя, почему «зачем-то»? Я имела вполне определённую цель: намекнуть на провал операции под кодовым названием «Семейная жизнь четы Головановых». Пройтись наждачной бумагой по рогам Глеба. Жестоко? Не помню, чтобы он пожалел меня в мои нежные восемнадцать, так что я не видела ни одной причины проявлять деликатность в отношении тридцатипятилетнего славянского шкафа.

– Самокритично, – с тихим смешком ответил Глеб и продолжил, как ни в чём не бывало: – Лариса Павловна за парадным сервизом отправила, сказала, ты знаешь где.

У меня от неожиданности на пару секунд пропал дар речи. Парадный сервиз в семье Цыплаковых доставался от силы два раза, в остальное время стоял в серванте. Прикасаться к драгоценным тарелкам, привезённым из ГДР, строго-настрого запрещалось. Что мама расщедрилась, рискнула своим сокровищем в присутствии троих непоседливых мальчишек, в честь моего приезда не верилось абсолютно.

– Глебушка. – Пока я моргала, прикидывая, какая муха укусила маму, на пороге возникла родительница. – Ириша, покажи Глебушке сервиз в серванте.

– Зачем? – спросила я, едва не икнув от удивления. Понимаете, должно быть в жизни ребёнка, даже выросшего, постоянство, пусть это всего лишь сервиз из страны, которой не существует больше тридцати лет.

– Один раз живём, – отмахнулась мама, а я подумала, что нужно посмотреть прогноз погоды, мало ли что, вдруг намечается снег с дождём или осадки в виде лягушек.

Потом Колёк с Глебом жарили шашлык у высокого мангала, а рядом топтался папа, создавая видимость бурной деятельности. Нюта носилась между летней кухней и столом в беседке, накрывая, успевая на ходу зорко поглядывать в сторону мужа, чтобы «не изгваздался» и ловить детей, всегда готовых чего-нибудь взорвать, а в крайнем случае, слопать.

Собрались за столом всем семейством, включая дорогого гостя – Глебушку. Собранный на скорую руку стол ломился от разнообразия блюд, с виду простых, но очень вкусных. Для меня так и осталось загадкой, каким чудом Нюта успела столько наготовить. Вероятно, на кухне у неё вырастает запасная пара рук, ничем другим объяснить такое количество закуски не получалось.

По секрету Нюра шепнула, что Глеб готовит «бомбический» шашлык, – это я помнила с детства. Даже такая малоежка, как я, не отказывалась от сочного куска мяса, приготовленного головановскими руками. Тогда я бы не отказалась ни от чего, лишь бы к этому был причастен объект любви всей моей жизни.

В тот вечер я глотала слюнки, настолько аппетитно выглядело и пахло мясо, однако с детским упорством игнорировала угощение: пусть Голованов не думает, что ничего не изменилось. Изменилось. Ещё как!

– Глебушка, давай, я тебе пюрешечки добавлю, – суежилась мама, прыгая вокруг гостя. Ей постоянно требовалось кормить разнесчастного, оставшегося без женского участия наглеца, пользующегося сердобольностью немолодой, участливой женщины.

– Я уже сыт, тётя Лариса, – с обворожительной, присущей лишь ему улыбкой, отвечал Глеб.

На «тётю Ларису» он перешёл после долгих уговоров мамы, мол, свои люди, к чему формальности. Захмелевший Колёк истово поддерживал родительницу, иногда накидываясь на друга с пьяными объятиями и заверениями в настоящей дружбе.

Олежек, посидев немного за общим столом, быстро заскучал и отпросился играть в планшет. Нюра, вздохнув, разрешила. Компьютерные игры она считала злом, однако, заинтересовать мальчишек книжками, конструкторами, пазлами не удавалось: как только очередной пострелёнок достигал возраста, когда становился способен держать в руках телефон, планшет или игровую мышь для компьютера, обычные игрушки забрасывались. Серёжа залез на руки мамы и с воодушевлением строил укрепления от неприятелей из зелёного лука и петрушки, врагом был назначен редис.

Алёша уснул на руках у Глеба, тот обхватил маленькое тельце одной рукой, устроил удобней и продолжил беседу с Кольком.

– Давай заберу, – протянул Колёк руки к сыну.

– Оставь, – отмахнулся Глеб.

Глеб с ребёнком на руках оказался на редкость гармоничным зрелищем, просто ми-ми-ми картинка. Если бы я не знала, какой Голованов на самом деле самовлюблённый оборкот, наверняка растеклась бы сладкой лужей.

– Своих бы деток тебе, – вздохнув, пролепетала мама.

– Я ж не против, тётя Лариса.

– Успеется, – поддержал друга Колёк.

– Вот женишься, и сразу рожай, – назидательно проговорил папа. – Нечего ждать.

– Голованов женат, – пропела я, смотря прямо в наглое, невозмутимое лицо.

– Ириша! – возмутилась мама.

– Что? – невинно заморгала я. – Я что-то пропустила? Лия уже не Голованова?

– Голованова, – не смутившись, ответил Глеб. – Была ею семь лет.

Голованова Лия! Спасибо за напоминание, что семь лет назад выбрал не меня – по уши влюблённую дурочку, а белобрысую дылду. Потом-то жизнь отомстила за мои горькие слёзы, но почему-то мне от этого легче не становилось.

Семь лет. Семь! Он просыпался в одной постели с другой женщиной, она готовила ему завтрак или даже он ей. Они ездили в отпуск, выбирали обои, планировали бюджет, занимались сексом. Семь лет Голованов преспокойно жил, не вспоминая, как растоптал чувства восемнадцатилетней девочки. Не задумывался, каково пришлось мне в тот день, когда произнёс несчастное «Да» во дворце бракосочетаний, как я пережила тот миг, когда самолёт с молодожёнами поднялся в воздух, унося их в медовый месяц, на курорт, который я могла увидеть только на картинках. Каково это – остаться за бортом счастливой жизни Глеба, после всего, что у нас произошло.

– А правда, Глеб, ты зачем на Лийке женился? – едва ворочая языком, пролепетал Колёк.

Нюта зыркнула на муженька, мама вздохнула, поднялась и начала собирать посуду, давая понять, что пора на боковую. Папа крикнул, выражая солидарность с супругой, Глеб полез в телефон, чтобы вызвать водителя.

– Так чего? – настаивал Колёк на своём.

- А ты почему на Нюте женился? – буркнул, не глядя на друга, Глеб.
- Дык, я её люблю потому что!
- Вот и я... любил.

Глава 6. Глеб

Домой возвращался в прескверном настроении. Вроде ничего неожиданного не произошло: планы на быстрое завоевание Цыпы не оправдались. Пришёл, увидел, обломался. Никаких неожиданностей для Голованова Глеба в этом не было. Ни на что другое с Ириной рассчитывать не приходилось.

Последний раз он верил в сказку лет в шесть, конкретно в Деда Мороза. Глеба даже борода на резинке не смущала, мало ли какие причуды у сказочного персонажа могут быть, пока не застал отца, подкладывающего подарки под ёлку в детской комнате и... Нет, не разочаровался. Родителям ничего не сказал, те-то точно хотели как лучше, шестилетке это было понятно, однако в сказки больше не верил.

С Цыпой не приходилось верить в розовых пони, даже когда она сама верила в единорогов, живущих на радуге. Впрочем, было ли такое время?

Упал поперёк кровати, обнял подушку, закрыл глаза. Дожил. Тридцать пять лет, темпераментом бог не обделил, сейчас бы красотку сдавливать в объятьях, под себя подминать, под пальцами мягкость женской кожи чувствовать, а не шёлк постельного белья.

Необходимо было уснуть, завтра в шесть утра подъем. Дел, пока Глеб решал вопрос с разводом, пытался отойти от удара, полученного от Лии, накопилось по самое горло – не разгresti, а он, вместо того, чтобы заниматься клиниками, бухал с приятелями детства, да маялся дурыю.

Прошло три месяца с тех пор, как он поймал жену на горячем. Первый шок давно прошёл, второй, третий тоже. В общем-то, Глеб понимал, что не стань скандал публичным, он бы отнёсся к происходящему спокойно. Не простил бы, на развод подал однозначно, однако переживаний точно было бы в разы меньше.

Угораздило же Лийку выбрать любовника... Срань! Последнее время почти не вспоминал о зрелище, которое застал, когда вернулся домой раньше обещанного времени. Сейчас мысли возвращались в тот злополучный день, плавно перетекали на события семилетней давности, после и четырнадцатилетней.

Глеб познакомился с Лией в двадцать один год, будучи студентом медицинского ВУЗа. Увидел её в толпе первокурсниц и залип. Ещё бы, такая красавица! На полголовы выше своих подружек, обладательница косы из светлых волос ниже пояса, как позже оказалось – не крашенных. Натуральная блондинка! Стройные ноги под коротким белым халатиком приковывали отдельное внимание.

В то время Глеб уже жил в отдельной квартире, раскатывал на личном авто, и денег у него имелось побольше, чем у однокурсников. Выгодно отличался от ровесников не только финансовым положением и высокопоставленным отцом, но и внешностью. Он отлично это понимал, поэтому пошёл на штурм с открытым забралом. Ухаживал с размахом, красиво: шикарные букеты, дорогие рестораны, ночные прогулки по побережью, отели с видом на море. Провинциальная девчонка из центральной полосы России, едва-едва проскочившая на бюджетное отделение, растеклась почти сразу. Для проформы продержалась до октября месяца, новый год они встречали «семьёй», вернее – сожителями.

Глеб отлично понимал разницу между «жить вместе» и «расписаться», и разница эта была колоссальная, размером с Марианскую впадину. Расписываться, несмотря на годы совместного быта и не остывающую тягу, у Глеба желания не было.

Почему? Объяснить не мог. Спустя годы можно сказать, что жопой чувал, какой дрянью окажется Лия, только ничего он не чувал. Всем она была хороша: красивая, заводила с пол-оборота, хозяйственная, не скандальная. Он на сторону не то, что не ходил, не посмотрел ни разу до злополучного лета.

Тогда от внезапно повзрослевшей Цыпы его не на шутку повело-закружило. Едва ума не лишился, затяжной тепловой удар какой-то. Тем летом всё складывалось один к одному: приехал Колёк с семейством, отец пошёл на очередное повышение. Встал вопрос об открытии клиник Головановым-младшим, один из филиалов – недалёко от посёлка, где жили Цыплаковы. Глеб отирался у них почти круглосуточно, пока вдруг не понял, что причина вовсе не в загадочном друге, клинике, свободном времени, а в Цыпе.

Одновременно с открытием, что он, сам того не ведая, умудрился влюбиться в стервозную сестрёнку лучшего друга, пришло известие о беременности Лии. Глеб ни на секунду не сомневался в правдивости двух полосок. В голову не пришло проверить, отвести к врачу, хотя бы заставить сдать кровь на ХГЧ. Беременная – значит беременная. Новость о ребёнке могла шокировать совсем уж наивного парнишку, Голованов таким себя не считал.

Пришлось делать предложение, вставать на одно колено, надевать кольцо на палец, размахивать букетом багровых роз перед лицом взволнованной невесты. Срочно играть свадьбу, естественно, с Головановским размахом, чтобы шум стоял на половине побережья о том, что единственный наследник женился.

Отправить женщину, с которой к тому времени жил семь лет, на аборт, ни как врачу, ни как мужчине Глебу в голову не пришло. Поступил как честный человек, несмотря на то, что пляски с бракосочетанием стояли поперёк горла.

А вот Лия его обманула легко. Она и скрывать не стала, потащила в свадебное путешествие оральные контрацептивы и прокладки. На немой вопрос Глеба в номере дорогущего отеля, который оплатил Голованов-старший, ответила:

– И что? Ты бы иначе ещё сто лет думал, мне до пенсии ждать, когда ты созреешь?

Спокойно объяснила, что за тесты с полосками заплатила приятельнице, организовавшей небольшой подпольный бизнес, пользуясь положением.

– До пенсии! – завопил тогда Глеб, в глазах потемнело, на минуту показалось – задыхается. Перед глазами пронеслась не жизнь, а последние события с Цыпой, даже мысль проскочила отыграть назад. Развестись, ввязаться в отношения с Ириной...

Благо план крутился до бара, и крепкий алкоголь всё расставил по местам. В кошмарном сне он видел отношения с Цыплаковой. Нет! Если когда-нибудь брак Головановых распадётся, то виной тому точно будет не Цыпа – вот этим себя успокаивал, пока напивался в баре. Под утро появился в номер, провалялся целый день, мучаясь от сильнейшего похмелья.

Между таблетками от головной боли и живительным сексом решил, что всё к лучшему. Всё равно пришлось бы жениться на Лии, годом раньше, годом позже, какая разница. Земля с орбиты не слетела, никто не пострадал. Действительно, семь лет жили, по большому счёту никого на месте жены кроме Лии Глеб не представлял. Пришло время серьёзных решений, она и решила, а что пришлось пойти на хитрость, сам виноват – кому понравится семь лет в сожительницах ходить. Они вернулись через месяц, купили квартиру, ту самую, в которой сейчас Голованов мучился от бессонницы, и прожили семь лет.

Нормально жили, между прочим... Он работал, она дома сидела, самореализовывалась: то на тренинги записывалась, то на марафоны желаний. Глеб не вникал, только оплачивал, своих дел было по горло. За семь лет сеть клиник разрослась так, что пришлось забросить врачебную деятельность и превратиться в бизнесмена. Бюрократия, административные требования, законы, которые менялись чаще, чем женское настроение и сжирали оставшееся от бизнеса время.

Чего Лии не хватало? Что нужно было? Внимание? Почувствовать себя женщиной? Почувствовала? Отлично. Сидит теперь в деревне, откуда родом, козам хвосты крутит!

Глебу же здесь Цыпа рога полирует, насмехается, отчего ещё сильнее захотелось заполучить эту самую Цыпу в единоличное пользование. Вжаться в дразнящие губы поцелуем, дове-

сти ласки до логичного, закономерного финала. Смертельно захотелось. И он намеревался её получить.

Глава 7. Ирина

За утро я успела сотню раз задаться вопросом, зачем всё-таки рванула в отчий дом, и ровно столько же раз на него не ответить. Отомстить кошке за мышьи слёзы хотелось, вернее, коту – наглому, высокомерному, с вечно довольной ухмылкой и холёной мордой, но ведь я сама от этого страдала.

Всю ночь ворочалась с боку на бок, вспоминала события злополучного лета, предшествующие тем событиям годы. В голове нескончаемым набатом стучало: «...и я любил». Любил он! Спасибо, что напомнил! Как можно любить такую как Лия? У неё даже имя дурацкое!

Во мне говорила детская обида, мыслила я тоже категориями ученицы средней школы, однако ничего поделать с собой не могла, а главное – не хотела. Любил он!

Я отлично помнила Лию, могла воссоздать момент нашей первой встречи с белобрысой дылдой. В тот день неожиданно прилетел Колёк, и, конечно, сразу же примчался его лучший друг Голованов. Меня отправили в магазин с километровым списком продуктов – на следующий день родители планировали праздничный стол, – мама топталась на кухне, разрываясь между жильцами и желанием угодить сыну. Приготовить больше, сытнее, откормить чадушко, которое в материнском воображении перманентно лежало в голодном обмороке.

Когда я притащилась с огромными авоськами, у ворот стояла машина Глеба, а во дворе шаталась белобрыса девица, размахивая хвостом на голове, как молодая кобылица. Глазела по сторонам, кривила размалёванные губы, морщила нос, словно увидела какую-то гадость, например, пищевые отходы, простоявшие на солнце несколько дней.

Дом у нас самый обыкновенный. Не дворец с золотым унитазом в тронном зале, но нос воротить не от чего. Всегда чисто, покрашено, смазано, прибито, дорожки из тротуарной плитки вычищены, клумбы ухожены – не зря мы втроём, не покладая рук, трудились с утра до ночи!

– Иришка! – заголосил Колёк, сверкая сонным лицом и голым торсом. Раскинув руки в стороны, он направился ко мне, грозясь раздавить в братских объятьях.

– Привет, – промычала я в ответ.

Вообще-то, я искренне была рада видеть Колю. Чувство родства со старшим братом особенное. Несмотря ни на что я бесконечно по нему скучала, писала письма, ждала в гости. Мечтала, как приедет Коля, мы пойдём с ним на пирс, дикий пляж, поедем в город, сходим в кино. В моём воображении он чинил мне компьютер, вытаскивал потерянные с флешки данные, непременно наказывал всех-всех-всех обидчиков – чаще всего придуманных, потому что никто меня не обижал.

Мне хотелось кинуться на шею к Коле, завизжать на весь мир от радости, только на нас глазела белобрыса дылда, а за спиной брата нарисовался Голованов, вызвав у меня приступ головокружения.

– Выросла-то как! – продолжал наседать Коля. – Совсем невеста стала! – выдал он дежурную фразу.

В тот момент я была уверена, что и в мои престарелые двадцать пять лет он будет так же вопить: «Совсем невеста стала!» Между прочим, не ошиблась!

– Цыпа? – окликнул Глеб, в то время, когда я замерла как истукан посередине двора, держа два огромных пакета, грозивших перевесить меня саму.

– Знаешь, что?! – выпалила я Коле, отбросив, наконец, злосчастные авоськи. – Сам ходи в свой магазин, раз такой умный!

– Чего? – опешил Коля вместе с Глебом.

Оба смотрели на меня с заметным недоумением. Белобрыса дылда в это время подошла к Глебу, взяла за руку, приподняла солнечные очки, чтобы лучше рассмотреть меня. Вот коза!

– Того! – взвизгнула я, глядя на белобрысую, прежде чем протопать мимо обалдевших гостей и родного брата.

Как зашла в дом не помнила, грохот закрывающейся двери вывел меня из транса. Я вздрогнула, оглянувшись, на цыпочках пробралась к открытому окну, притихла за занавеской, обратившись в слух:

– Чего это с ней? – Коля потирал ладонью лоб, озадаченно поглядывая на дверь, за которой я скрылась несколькими секундами раньше.

– Пубертатный период, – глубокомысленно протянул Глеб.

– У кого? – Коля в искреннем удивлении уставился на друга.

– У Цыпы, – пожал плечами Глеб, а для друга пояснил очевидное: – Девочка превращается в девушку.

– Какая девочка? – Коля, видимо, от резкой перемены климата, демонстрировал редкую тупость.

– Цыпа.

– В девушку?

– Цыпак, ты обкурился, что ли? – заржал Голованов на весь двор. – Прочитать тебе лекцию о половом созревании девушек, или сам поднапряжешь извилины? – продолжал он смеяться, потешаясь над Колей.

– А-а-а-а, – выдохнул Коля и тут же перевёл разговор: – Ну, что, куда?

– Давайте в «Лагуну», – пропела белобрысая швабра. – Глеб?

– Колёк? – Глеб для проформы уточнил у друга, хочет ли тот пойти в недавно открывшийся кабак с огромными террасами, которые выходили на берег моря. И мне, и Коле было понятно, что всё решала швабра с конским хвостом.

Спустя несколько минут троица вышла со двора. Я прильнула к окну, чтобы проводить взглядом любовь всей своей жизни. В эту секунду швабра быстро поцеловала Глеба в щеку, оттерла след от помады, рассмеялась, закидывая голову, демонстрируя миру ровные зубы. А я почему-то подумала, что мне для того, чтобы поцеловать Глеба, недостаточно встать на цыпочки, придётся подпрыгнуть.

Потом я подумала ещё немного и решила, что целовать Голованова совсем не хочу, у него щетина колется. В моих мечтах любовь всей моей жизни дарил мне букеты из ста одной розы, гулял со мной по набережной, рассказывая направо и налево, что он мой парень, и время от времени спасал меня от романтического, смертельного заболевания. Царапать нос о Головановскую щетину я не собиралась даже по самой огромной любви, но это не значило, что всякие белобрысые дуры смеют это делать!

К вечеру мне наглядно и громко продемонстрировали, что смеют. После «Лагуны» троица заявила к нам домой, с комфортом устроилась в беседке рядом с моим окном. Коля позвал родителей, вытащил меня, говоря, что смертельно обидится, если я не выйду. Весь вечер я наблюдала, как Лия ёрзала на коленях Глеба, он обнимал её в ответ, иногда чмокал в щеку, ухо, а то и губы, когда же все разошлись, парочка устроила настоящее эротическое шоу. Во всяком случае, целовались они так громко, что было слышно через моё открытое окно, если подобраться поближе, конечно же. А после уехали на такси домой.

Спустя годы я сама устроила точно такое же шоу Голованову. Правда, в те минуты, когда мечтала умереть от того, что любовь всей моей жизни целует другую, я не догадывалась, что это произойдёт, оттого и глотала горькие слёзы, прячась под подоконником.

Происходившее осталось в далёком прошлом. С того дня Глеб успел не только жениться на Лие, но и развестись, а я всё так же сидела в своей комнате, представляя, как сделаю куклу Вуду Головановской жены, буду втыкать в неё иголки, и в конце сожгу на ритуальном костре!

– Дядя Глебушка! – закричал Сережа под моим окном, оглашая округу счастливым визгом, заодно сообщив мне, что появилась любовь всей моей жизни собственной бесподобной персоной.

Серёже вторил Алёша, правда «Глебушка» у него превращался у «Епушку», вызывая смешки отца и благосклонную улыбку «Епушки».

– Привет, Нют, – поздоровался Глеб с Нютой, та буркнула нечто невразумительное, не слишком довольное в ответ. С утра она грозилась Коле разводом, если тот не перестанет пить с Головановым.

– Я всё понимаю, у человека развод, только проблемы нужно решать, а не запивать, – выговаривала Нюта мужу.

– Должен же я друга поддержать, – отмахивался Колёк.

– Поддержи! Поддержи! – повысила голос Нюта, чего не случалось с ней почти никогда. – Давай разведёмся, будете на пару горе запивать!

– Нью-у-та, – ныл Колёк.

– Всё, я сказала, – отрезала Нюта.

Мне стало интересно, как быстро и насколько далеко жена и дочь кадрового военного пошлёт владельца дорогого внедорожника и сети клиник.

– Здорово, – появился Коля.

– Как вы смотрите на отдых в «Золотом тельце»? – вдруг заявил Глеб. – Оторвёмся, а?

– Офонарел?! – мгновенно отозвалась Нюта. – У нас так-то всего четыре почки на семью, две из них пропиты твоими молитвами, между прочим!

Мысленно я поддержала Нюту. Офонарел, иначе не скажешь! Окончательно сбрендил на фоне расставания с женой.

«Золотой телец» – отель в нескольких километрах от нашего посёлка. С охраняемой территорией по периметру намывного пляжа. Закрытыми ресторанами, клубами, личными причалами для яхт отдыхающих, полем для гольфа. Интерьерами настолько помпезными, что ходили слухи – лепнина там покрыта сусальным золотом. Говорили, в «Золотом тельце» отдыхал «Сам», у каждого была своя версия имени того «Самого», но любому смертному в округе было понятно, что «оторваться» на золотистом пляже шансов примерно столько же, сколько высадиться на Луну.

– Не кипятись, Нют, – благосклонно промурлыкал Глеб. – Фирма платит.

– Какая ещё фирма? – взвилась Нюта ещё сильнее.

– «Телец» принадлежит моей матушке, – начал спокойно объяснять Голованов, пока я скатывалась на пол. Ничего себе новости! – Сейчас как раз перерыв между пьянками на высоком уровне, можно покути-и-и-ить.

– Глеб, это всё равно дорого, ты же понимаешь, – пробурчала Нюта.

«Всё равно дорого» – это совсем не то словосочетание, которое было уместно в данном случае. Однажды я наткнулась на рекламу «Золотого тельца» и, мягко выражаясь, крайне удивилась ценам. За сумму, которую нужно выложить за сутки в этом отеле с интерьерами аж из сусального золота, мы с Вадимом могли неделю вдвоём оттягиваться в Турции, почти ни в чём себе не отказывая. А человек богаче – снять номер в Дубае. В Дубае, а не на нашем Чёрном-прегрязном море!

– Кто говорит об оплате? – серьёзно ответил Глеб. – Ребят, я ж не совсем идиот, как можно подумать. Три дня, три ночи, всё включено, для вас бесплатно.

– Глеб, это слишком, – одёрнул друга Колёк.

– Слушай, не мог бы – не приглашал, – остановил друга Глеб. – Думаешь, я с матушкой не разберусь? Серьёзно, ты в родительском доме груши ешь с дерева бесплатно, а они на рынке сто пятьдесят рублей стоят. По-твоему, я не могу «груш отведасть» в отеле матушки?

– Ну... – засомневалась Нюта.

– О чём спорите, молодёжь? – неожиданно подключилась к разговору мама.

Нюта быстро, по-военному чётко, поставила в известность маму, а потом и подошедшего отца о сложившейся «чрезвычайной ситуации».

– О чём думать? – всполошилась мама. – Отдохнёте раз в жизни по-человечески. Правда, Глебушка?

– Конечно, тётя Лариса, – согласился Глебушка.

– За мальчиками мы с отцом присмотрит, – тут же добавила мама. – Езжайте, хоть вдвоём побудете, – продолжила уговаривать мама, – везде с детьми, они как хвостики за вами. Себе тоже время нужно уделять, молодые ведь!

– И то правда, – крикнул отец.

– Ладно, – неуверенно согласила Нюта.

– Отлично, – загоготал Колёк. – Оторвёмся, Нютик!

Все отправились строить планы на отрыв, я же шлёпнулась на постель переваривать информацию, что мама Голованова – владелица «Золотого тельца». С ума сойти! Что делать с этой новостью, я не понимала: с одной стороны, мне-то какая разница, а с другой – это как общаться с человеком, общаться, а он раз, и наследный принц Монако.

– Цыпа! – услышала я под окном. – Цыпа! – требовательно повторил Глеб. – Не делай вид, что ты в танке и ничего не слышала.

– Я в танке, – ответила я, понимая, что он отлично услышит ответ.

– Собирай парадные трусишки, мы едем в «Золотой телец», – раздалось с той стороны окна.

Прекрасно! Где мне взять трусы, достойные унитазов, покрытых сусальным золотом? У меня-то всего две почки, и одна из них точно пропитана на первом курсе в попытках забыть любовь всей моей жизни.

Глава 8. Ирина

Сказать, что я была удивлена, ошарашена, находилась под огромным впечатлением, когда стояла в вестибюле «Золотого тельца», – не сказать ничего.

Шокировало всё: размер, примерно с половину футбольного поля. Неброский и всё же помпезный интерьер. Натёртый почти до стеклянного блеска мраморный пол. Люстра из хрусталя, свисающая головокругительным каскадом с высокого потолка. Во всяком случае, я искренне верила, что под ногами мрамор, на потолке горный хрусталь, а стойка ресепшена отделана драгоценными камнями.

Я стояла у входа, чувствуя себя бедной родственницей, несчастной сироткой, которую отправили в лес за подснежниками, где братья месяцы наколдовали посередине снежного декабря апрель: одновременно радостно, что попала в настоящую сказку, страшно, что всё закончится, ещё и рукавицы дурацкие мешают.

Рядом со мной топталась Нюта, которая чувствовала себя значительно хуже. У меня всё-таки был опыт отдыха в отелях. Не такого размаха, как «Золотой телец», но время от времени мы с Вадимом позволяли себе отели с пятью звёздами в Турции или Египте, иногда отдыхали в лаконичной Европе. Единственный же отдых Нюты – это «отель» наших с Колей родителей.

Зимой Нюта с Колей жили в трёхкомнатной квартире, в типовой панельной пятиэтажке с видом на сопки. Самое отчаянное путешествие, которое они смогли себе позволить за годы брака, – в Питер, на свадьбу к сослуживцу. Понятно, что останавливались при этом не в гостинице класса люкс.

Колёк стоял рядом с Глебом, ничуть не смущаясь происходящим. Цыплаков Николай был своим в любой компании и ситуации. Скорей всего, именно благодаря этой черте характера он нашёл общий язык с Глебом и его приятелями-мажорами.

– Пойдём, – Глеб кивнул нам с Нютой от стойки ресепшена, не забыв предварительно одарить улыбкой, прямо-таки осчастливить администратора – девушку лет двадцати от роду, долговязую и белобрысую, чем-то неуловимо похожую на Лию. Правильней сказать: высокую, стройную блондинку. Однако давать уместные политкорректные характеристики призывно скалящимся девицам не входило в мои планы.

Я изо всех сил старалась не походить на Алису в Зазеркалье и уверенно шагала через вестибюль, представляя, что иду по подиуму. Кидала вежливые взгляды на персонал и небрежные на Голованова, когда тот приобнял меня за талию, ненавязчиво подтолкнул в сторону лифтов и повёл вглубь отеля.

– У нас три сюта, – сказал Глеб, посмотрел на Нюту, объяснил: – Номер с гостиной и спальней.

– Понятно, – отозвалась Нюта, в уме перекраивая семейный бюджет на ближайшие годы, если им всё-таки придётся оплатить пребывание в «Золотом тельце».

– Ваш номер, – показал Глеб рукой направление, в котором сразу отправились Коля с Нютой.

– И твой, – добавил он, продемонстрировав светлую дверь в противоположной стороне от номера брата.

В подобных гостиницах в номера, учитывая стоимость конкретно этих сютов, должен сопровождать специально обученный человек в сопровождении духового оркестра. Однако никто с нами не поднялся. Глеб вёл себя расслабленно, словно отдыхал здесь через день. Впрочем, что я знала о нынешней жизни Голованова? Может, и правда отдыхал, а то и жил. Куда-то же он уезжал после попоек с Колей, откуда-то прикатывал на здоровенном внедорожнике.

– Я рядом, – подмигнул Глеб, распахнул передо мной дверь, демонстративно пропустил в номер, изобразив вышколенного лакея.

– Буду иметь в виду, – ответила я, продефилировала внутрь и, остановившись у порога, с наслаждением и сладкой улыбкой закрыла перед Головановским носом створку.

Мне бы очень хотелось рассказать, как вытянулось его лицо, как растерянно он моргал, подбирая с пола челюсть, только ничего подобного не происходило. Глеб лишь одарил меня взглядом свысока, в прямом и переносном смысле, и снисходительной улыбкой – это я успела увидеть прежде, чем дверь захлопнулась.

Интересно, может мужчина вырасти после двадцати восьми лет? Память определённо подводила меня. Каждый раз, сталкиваясь с Глебом вплотную, я удивлялась, насколько он высокий.

Номер оказался большим. Просто огромным! Первое, что я увидела, помимо просторной прихожей, была прошитая лучами солнца необъятная гостиная. Я ходила по полу, наслаждаясь мягкостью ковра, наверняка одновременно из натуральных, высокотехнологичных, не токсичных, антиаллергенных, экологически чистых материалов.

После нашла ванную комнату, зависла минут на двадцать, не меньше, разглядывая убранство. Детали интерьера переливались в свете хрустальных светильников, всё было натёрто до блеска, кипенно-белая ванна отражалась от всех глянцевых поверхностей сразу.

Спальня тоже заставила восхищенно замереть. В центре просторного помещения стояла преогромная кровать, настолько гигантского размера, что если бы я вздумала по ней прогуляться от края до края – это заняло бы несколько минут. Вся моя спальня в Иркутске была меньше, чем одна эта кровать. Там же, в спальне, были панорамные окна, демонстрирующие просто умопомрачительный вид на море.

В немом удивлении я смотрела на то, что видела, и готова была согласиться с любой, самой фантастической версией перемещения во времени и пространстве, поскольку окружающее просто кричало, что я где угодно, но не на Черном море, которое я ненавидела даже больше, чем была влюблена в Голованова.

– Обалдеть... – прошептала я сама себе, медленно подбираясь к окну, не моргая, на полном серьёзе веря, что если закрою глаза – всё исчезнет: кровать, вид из окна, бирюзовый, перетекающий в лазоревый цвет морской глади.

– С ума сойти! – заверещала я, прежде чем с победным кличем индейца запрыгнула на кровать, а после принялась скакать на ней, как на батуте.

Матрас упруго пружинил, гостеприимно принимал моё расслабленное тело, когда я падала плашмя, выпрямлялся по струнке, как только вставала на ноги, и снова обволакивал комфортом, когда растягивалась, раскидывая в сторону руки и ноги.

Я попала в самый настоящий рай! На Фиджи или Виргинские острова, любое место на Земном шаре, которое видела лишь на фотографиях в интернете. Главное – всего-то в нескольких километрах от родительского дома, грязного, многолюдного пляжа, бесконечной толчеи отдыхающих.

Если бы вокруг «Золотого тельца» была не облагороженная территория, прыгали бешеные скунсы, а пейзаж за окном оказался бы галлюцинацией, я бы совсем не расстроилась: сидела бы на упругом матрасе, таращилась в панорамные окна, как в телевизор, чувствуя себя на седьмом небе от счастья.

Казалось, моё восторженное настроение невозможно приподнять хотя бы на градус – нервная система грозила не выдержать переизбытка окситоцина в крови, однако, мне хватило одного-единственного взгляда на прикроватный столик, чтобы вытянуться, как сурикат, и крадучись подобраться к ведёрку с шампанским.

Я не верила своим глазам, просто-напросто не верила. Не могли же при заселении гостей угощать шампанским, стоимостью в три прожиточных минимума в Российской Федерации? Или могли? Несомненно, я понимала, что это не предел возможностей владелицы «Золотого тельца» и его постояльцев, только меня наличие бутылки французского шампанского пере-

несло от радужного состояния к щенячьему восторгу. Трусливая мыслишка, что, возможно, перед отъездом попросят оплатить лакомство, не остановила. Попросят – оплачу. На шампанское я точно зарабатываю!

Я взяла бутылку в руки, с благоговением покрутила её, убеждаясь, что это не сон, не галлюцинации, как Фиджи за окном. Уверена, что в тот миг сделалась похожа на крысу Рокки из мультсериала «Чип и Дейл спешат на помощь» при виде сыра.

Единственная проблема, которая стояла передо мной в этот момент, было открыть шампанское. Докой, несмотря на приложенные усилия в деле откупоривания бутылок, к двадцати пяти годам я не стала. Вероятность шмальнуть пробкой в зеркало, хрустальные светильники, плазму на стеклянной тумбе, ещё что-нибудь дорогостоящее, была высока. Оглянувшись, я пришла к единственному, показавшемуся мне верным решению – выйти на лоджию и на открытом пространстве побороться с пробкой.

На лоджии вдохнула морской воздух с нотками прохлады. Примерилась к бутылке, поняла, что ставить на стеклянный столик бутылку, – идея такая же сомнительная, как и пытаться раскупорить её среди деталей интерьера, стоимостью дороже моих почек.

Я поставила бутылку на пол, нагнулась, выпятив пятую точку, начала освобождать горлышко от фольги, но не успела добраться до мюзле, как рядом услышала отчётливый стук. От неожиданности я подскочила, едва не выронив шампанское. В панике обернулась и уставилась через боковое стекло лоджии на Голованова собственной наглой персоной.

Ничего себе «комфорт, приватность и уединение», обещанные рекламным буклетом при входе в «Золотой телец»! Я стояла задом к Голованову, примеряясь к бутылке шампанского, как мартышка к очкам, а он, выходит, всё это время мои пляски наблюдал.

– Чего? – фыркнула я, одной рукой вцепилась в бутылку, второй одёрнула юбку, колыхающуюся на теплом бризе.

Глеб пробежал наглым, раздевающим взглядом по мне от макушки до кончиков ног и обратно. Скользнул самым кончиком языка по нижней губе, – ни дать ни взять актёр эротического жанра, – а после показал жестами, что сейчас придёт ко мне в номер.

Нужно было проигнорировать жест Голованова, самого его тоже, однако я отправилась к двери, распахнула её в тот момент, когда он собирался стучать. Почти врезалась в него! Отскочила от неожиданности, машинально ещё раз одёрнула подол, отошла на два шага вглубь номера и повторила свой вопрос:

– Чего?

– Давай помогу шампанское открыть, – снисходительно заявил Глеб.

– Без сопливых справлюсь!

– Я видел, да. – Он поднял большой палец в одобряющем жесте, вернее, у Голованова жест точно имел издевательский аспект. – Пить тоже без сопливых собираешься? – продолжил он в том же духе.

– Собираюсь!

– Женский алкоголизм неизлечим, желание пить в одиночестве – первый признак алкоголизма, Цыпа.

– Да что ты?! – не сдержалась я.

Знал бы он, сколько я выпила на первом курсе, пытаюсь забыть любовь всей моей жизни, которая не забылась и забываться не собиралась, напротив, стояла рядом, вальяжно засунув руки в карманы светлых брюк, выпростав лишь большие пальцы, всем своим видом показывая, что явилась навсегда.

– Не переживай, я помогу тебе. – Глеб покровительственно положил мне руку на плечо, потом бесцеремонно опустил ниже поясицы, нагло пересекая границы приличия. – Это мой долг, как гражданина и врача.

– Вот спасибо, мил человек! – Я изобразила картинный земной поклон, от души взмахнув рукой и распущенными волосами. Выпрямившись, упёрлась взглядом в глаза Глеба – всегда невозмутимо наглые, – но всё равно успела отметить, как нервно дёрнулся кадык.

Глеб ходил по номеру, будто бывал здесь не одну сотню раз, а ведь, скорей всего, так и было. Пока я страдала от любви в Иркутске, глотая горькие слёзы, он здесь развлекался с белобрысыми долговязыми девицами!

Голованов деловито достал фужеры, взял в руки бутылку, которая заметно уменьшилась в размерах в его ладонях, ловким движением открыл шампанское, наполнил один фужер до краёв, а во второй плеснув лишь на самое дно.

– Не переживай, Цыпа, – поймал он мой удивлённый, не обещающий ничего хорошего, взгляд. – Это тебе. – Глеб протянул мне наполненный до краёв фужер. – А это – мне. – Показал он на почти пустую посуду.

– Силы бережёшь? – растеклась я в ехидной улыбке, намекая на обязательный вечерний банкет с Кольком.

– Хочу тебя пригласить на морскую прогулку, – спокойно ответил Глеб. – Я за штурвалом, не стоит употреблять.

– Зачем? – опешила я.

– На море посмотришь, погода сегодня... – Глеб не успел договорить, как я его перебила с искренним возмущением, помноженным на зашкаливающее удивление:

– Голованов, ты больной? Я море, по-твоему, не видела?!

– Зря. Вечером, когда день заканчивается, с моря доносится прохлада, едва слышен шёпот волн. Лучи солнца, катящегося к горизонту, становятся оранжево-красными, после небо багровеет, растекается особенная благодать.

– Не получится, – упёрла я руки в боки. – На меня такой подкат не действует, – усмехнулась я для убедительности.

«Особенная благодать растекается», «небо багровеет», «доносится прохлада», ещё немного, и стихами заговорит, Сергей Есенин наших дней! Уверена, на безмозглых, долговязых куриц, которых он таскал сюда, романтическая ерунда Голованова действовала, но на меня – нет.

Передо мной стоял самодовольный, бесконечно уверенный в собственной притягательности для противоположного пола, наглый, беспардонный, бессердечный, накачанный тестостероном альфа-самец, а никакой не Есенин.

– Жаль, – спокойно ответил Глеб, совсем не смутившись. Впрочем, чему удивляться, он не смутился семь лет назад в откровенно щекотливой ситуации, сейчас и подавно. – А что на тебя действует, Цыпа? – Глеб упёрся в меня любопытным взглядом, опустил глаза к моим ступням, вздохнул и медленно поднял его обратно к лицу, не забыв меня этим взглядом раздеть. Аж жарко стало!

– Я девушка дорогая, не каждому по карману, – выпалила я избитую, тупую присказку.

После ментального раздевания взглядом я могла думать только об одном – чтобы раздевание произошло наяву. Лучше прямо здесь и сейчас! Горячие мурашки разбежались от спины на шею, руки и внутреннюю часть бёдер. Я машинально облизнула губы, переступила с ноги на ногу в рефлекторной попытке снять напряжение, тяжело вздохнула.

Глеб нагнулся к моему лицу, словно собирался поцеловать, и я уже почувствовала его горячее дыхание, непроизвольно потянулась губами к губам, но он вдруг резко отпрянул со словами:

– Не сомневался в этом.

Через несколько секунд я смотрела на закрытую дверь, переводя взгляд с золотистой ручки на фужер с шампанским, к которому Глеб так и не притронулся. Если так продолжится,

то история семилетней давности повторится. В итоге я трусливо улечу в Иркутск, Голованов же останется здесь – поживать на лаврах победителя – а такого в мои планы не входило!

«Не дождётся!» – заявила я мысленно сама себе.

Для пушей убедительности выпила фужер шампанского, потом ещё один, и ещё, пока не опустошила бутылку. Неожиданно для себя я уснула, растянувшись на мягком, сказочно комфортном диване в гостиной, там же, где пила. Проснулась от настойчивого стука в дверь. Голованов?

Курьер из службы доставки «Золотого тельца», тощенький парнишка лет восемнадцати, втащил огромную корзину с цветами, устроил на журнальном столике, игнорируя бардак, который я умудрилась устроить. Гостиную тут же заполнил одуряющий аромат свежих роз – ни дать ни взять, та самая особенная благодать растеклась по сыуту.

«Восемь вечера. Шестой причал», – гласила первая записка.

«Лучи солнца, катящегося к горизонту, багровеющее небо и ужин ждут тебя», – было написано на второй.

Глава 9. Ирина

Приглашение Голованова я проигнорировала. Конечно, несмотря на то, что прогулка на катере по Чёрному морю совсем не вдохновляла, соблазн был огромный. Семь бесконечных лет я жила мечтой не только забыть Глеба, но однажды остаться с ним наедине, желательно в замкнутом пространстве, чтобы он понял, осознал, прочувствовал до самой печени, насколько сильно ошибся, чтобы раскаялся, сошёл с ума от чувства вины, любви, желания. В общем, обыкновенный бред влюблённой дуручки, не имеющей никакого отношения к напыщенному эгоисту Голованову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.